

Данило РАЗИНЯ

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «МАЙДАВАНЭСКИ»

Памяти Тани

Все совпадения в этой книге случайны. Да и не только в этой книге – на то они, собственно, и совпадения.

ЧУК И ГЕКТОР

Это были матерые доберманы. Доминирующие самцы. Все в хозьяев. В том смысле, что те тоже нравились особям женского пола. Да... И тоже были – к сожалению, здесь у нас без интриги, никого из главных действующих лиц уже нет в живых. Владелец Чука, назовем его для краткости Б., всю жизнь воевал. Сначала понарошку, на школьных «Зарницах» и полигонах Высшего рязанского воздушно-десантного училища. А потом реально, в самых неожиданных (порою даже для себя) уголках планеты. С пятилетней передышкой на учебу в Московской школе КГБ – такая специфическая жажда знаний, тоже, надо заметить, весьма специфических.

В течение чёрте сколько времени Б. исправно и методично погашал пресловутый интернациональный долг. О будущем не задумывался – во-первых, не особо верил в его существование, а во-вторых, думать

надлежало другим. А потом случилось невероятное – его всесильный и, казалось бы, неуязвимый кредитор почил. Или лучше сказать, исчез с политических карт? Нет, все равно как-то туманно... Короче, СССР распался.

Б. пришлось возвращаться домой, в Киев. В пустую, и от этого еще более необъятную квартиру на улице Шота Руставели. С фанфарами его не встречали. И вообще никак не встречали – было некому. Родители давно умерли, а ближайшие и к тому же достаточно условные родственники жили в Санкт-Петербурге, тогда еще Ленинграде. Друзей практически не осталось. Вернее, они остались – кто под Кандагаром, кто в Йемене, кто в Анголе. Те, кому повезло больше, улетели на Родину грузом 200. А Б. оказался самым везучим. Хотя это еще с какой стороны посмотреть.

Работы не было, а идти в бандиты Б. не хотел. Не потому, что считал зазорным, – в государстве, специально созданном для разграбления, это было бы глупо. Скорее, из-за профессионального снобизма. Другой уровень. Дворовая лига. Свои более чем скромные потребности он удовлетворял за счет средств, заработанных разгрузкой экспонатов для бесчисленных

коммерческих выставок – тогда западные бизнесмены еще рассматривали Киев в качестве объекта возможных инвестиций. Я не оговорился, речь шла исключительно о разгрузке. О последующей погрузке никто и не заикался, поскольку нечего было грузить – какие там, к черту, обязательства об обратном вывозе временно ввезенных «образцов». Перестаньте. То, что не удавалось украсть ещё до открытия, доморощенные устроители продавали за «кэш» непосредственно со стендов. Вы спросите: «А как же правоохранительные органы, таможня?» А я отвечу: «Вот ей и продавали». В полцены. И ею же прикрывались от робких претензий очумевших экспонентов. Тогда с киевской таможней можно было иметь дело. Впрочем, как и сейчас. Б. тоже кое-что перепадало помимо стандартной оплаты. Его ценили за немногословность и нелюбознательность. И чуть-чуть побаивались – по-видимому, интуитивно. Однажды нашему герою досталась циклопических размеров ванна-джакузи, брошенная в панике удирающими шведскими производителями. В другой раз это были восемь тканых персидских ковров. От них, узнав о необходимости уплаты совершенно дикой пошлины, отказались правоверные предприниматели из Ирана. Как и от каких-либо иллюзий по поводу ведения дел на Украине вообще и в Киеве в частности. Были еще польская спальня «BRW», огромный, в полкомнаты телевизор «Sony» и прозрачная бронированная дверь. Ну и так, по мелочи – шмотки, зонтики и прочая дребедень. Все это уходило на ура через одного бывшего подчиненного, который теперь подвизался в качестве оптового продавца на ве-

щевом рынке с романтическим названием «Юность». В общем, денег хватало. А когда стало не хватать (иностранцы уяснили, наконец, подспудный смысл безобидного на первый взгляд слова «выставка» и опомнились), Б. едва ли не впервые в жизни занервничал. Выхода не прослеживалось. Вариант с бандитами, и тот отпал – их уже с Божьей помощью отстреляли. Пришлось сдать комнату славненькой студентке из провинции. Что повлекло за собой мимолётный бездетный брак и потерю родительской квартиры.

После размена он поселился в малогабаритной двушке на Оболенни. Из плюсов – рядом Днепр. Все остальное – минусы. Перманентная стройка по соседству и прочие прелести спальных районов 90-х. Б. закурил. Начались проблемы со сном. Многочисленные подрядчики долбили котлованы, не обращая внимания на время суток, и он некоторое время всерьез обдумывал вариант взорвать всю эту богадельню на хер. Пожалел работяг. В одну прекрасную ночь Б., вытащив ненадолго левый наушник, обнаружил, что тихонько подвывает. Нет, не вслед Дэвиду Гилмору. Просто подвывает – плакать он не умел. И вдруг все волшебным образом изменилось. Стройка кончилась. Из Питера приехала внучка родственников, Зоя. Она там не прошла по конкурсу и не захотела терять год. С блеском сдала в КПИ. Факультет ИПСА – бюджетное отделение! Одиночество отступило. И самое главное – его нашел бывший подчиненный. Не тот, с рынка, а другой, с амбициями.

Другой бывший подчиненный делал головокружительную карьеру в МВД и разговаривал теперь только по-украински. Даже дома.

Получалось, правда, не очень: «Коханая, я сёгодня трохи опиздаю, вечеряйте без мене». Близких подобные пассажи какое-то время фраппировали. Потом ничего, обвыклись. Но это все было неважно. Важно было другое – бывший подчиненный предложил Б. настоящую работу. В начале его напыщенной, угнетающе безграмотной речи Б. с непривычки покорило – сам он мог главами цитировать Котляревского*. «Енеїду», например, выучил на спор в одной из командировок. Но потом, когда сквозь дебри чудовищного суржика забрезжил Его Величество Смысл, Б. чуть не расцеловал новообращенного патриота в подковообразные усы – речь шла о курации недавно созданного спецподразделения с красивым птичьим названием. На ту же букву, что имя Б. Получив согласие и гарантировав «свою особистую пидтримку», бывший подчиненный, а по факту уже командир, отбыл. И Б. тут же бросил курить. Он с головой ушел в новые обязанности. Работал вдохновенно, подобно Пигмалиону. И во время бесчисленных ночных маршбросков втайне гордился своими стокилограммовыми Галатеями в армейской разгрузке. Жизнь наладилась. Б. даже стал мимоходом поглядывать на симпатичную соседку снизу, Викторию Ивановну. И подарил её Витьке семь настоящих автоматных гильз в обмен на обещание впредь собираться в детский сад без скандала. По-мужски. Недавно постигший азы арифметики, Витька героически держал данное им слово ровно неделю.

А потом появился маленький Чук. Его выбраковали кинологи

спецпитомника за излишне добродушный нрав.

Два слова по поводу клички. У Б. когда-то был напарник по фамилии Ячук. И с соответствующими позывными. Автобус с напарником и еще восемь отпускниками подорвался на фугасе практически рядом с Кабульским аэропортом. Так что кличка обязывала ко многому. И Чук старался. И оправдал. К отрочеству от щенячьей доброжелательности не осталось и следа. Даже Зоя имела право его гладить только в присутствии хозяина. И то Чук всем видом показывал, что это ему вовсе и не нравится. (Если честно – врал.) А через два года гадкий утенок окончательно превратился в отменно вышколенную, изящную боевую машину. И верно друга. Кинологи кусали локти.

Они зажили втроем, вернее вчетвером – был еще крошечный нетопырь на внутренней стороне запястья Б. Без имени. И жили, как однажды написал мой тогда еще пятилетний сын, радостно. Некоторое время.

Теперь о Гекторе и его хозяине. Вернее, сначала о хозяине, пусть он будет... пусть он будет, ну, скажем, А. Чтобы не заморачиваться.

А. родился в семье потомственных мажоров. Но вырос не высокомерным пресыщенным хамом, а обаятельным и веселым рубахой-парнем. Такие бывают. Редко, но бывают. Правда, до определенного момента – со временем порода все равно берет свое. Он нигде и никогда не ссылался на происхождение. Этого и не требовалось – тень легендарного папы постоянно незримо витала где-то поблизости и играла намного более конструктивную роль, чем тень отца одного

* Иван Котляревский – «отец» современной украинской литературы.

известного шекспировского персонажа. Не говоря уж о том, что папу А. никто даже и не пытался травить (себе дороже). Он, кстати, и сейчас пребывает в добром здравии. И в полном порядке. Коротает век в небольшом, купленном по случаю поместье поблизости Монпелье.

Еще в раннем детстве у А. возник безобидный пунктик, который назывался «я шам». Он повторял это по сто раз на дню, остервенело отпихивая руки полуобморочных от чувства ответственности нянек. Он повторял это, только уже не шепелявя, учась в пафосной 48-й школе на Свердлова. И с улыбкой отвергал предложенные шпаргалки – ему и так всегда ставили «отлично». Тень-то никуда не девалась. На то она и тень, чтобы там не нафантазировал себе гениальный Шварц. А., кстати, это понимал. Он рано научился читать. И вот однажды в одной из книг наткнулся на эпизод, где мальчик из августейшей семьи некоего выдуманного автором государства попадает в пионерлагерь. В «Артек». И там, поучаствовав в нескольких честных соревнованиях, осознает, что придворные лизоблюды всю дорогу врали – вовсе он никакой не The Best. Ассоциация виделась более чем прозрачной. А. поначалу расстроился, но потом беззаботно улыбнулся (когда он улыбался, на его щеке появлялась чудная ямочка, которую так увлеченно обсуждали знакомые да и незнакомые девочки) и смирился. С некоторыми вещами смириться очень легко. Особенно, если обладаешь таким замечательным характером. Он здраво рассудил, что далеко не все ровесники в курсе его обстоятельств и продолжал, как мантру, повторять своё пресловутое «я сам», стремясь убедить в этом как можно большее

количество людей, а заодно и себя. И, надо сказать, со временем преуспел.

А. даже послужил в армии. Но, в отличие от Б., не по своей воле – участие сына в пьяной драке со смертельным исходом даже для его всесильного родителя стало некоторой проблемой. С той оговоркой, что речь идет еще о советских временах. И кроме того, потерпевшего угораздило оказаться студентом из небольшой африканской страны, буквально накануне вставшей на социалистический путь развития. Убиенный до того, как в его лёгкое вонзился отобранный у него же нож, усердно постигал теорию научного коммунизма и даже числился старостой группы в одном из киевских вузов. Правда, непонятно, как такой перспективный молодой человек, будущий патентованный марксист, надежда юной африканской демократии, оказался в полуменьяемом состоянии в три часа ночи на «Каскаде».

(Было такое весёлое место в Киеве, напротив гостиницы «Москва».) И зачем стал размахивать «выкидухой». И почему у него в кармане оказались незапротоколированные впоследствии по звонку откуда надо несколько расфасованных для употребления доз героина. Впрочем, не имеет значения.

А вот с А. и его товарищами как раз все было предельно ясно – балбесы третьи сутки кряду отмечали поступление в то самое учебное заведение, диплом которого уже не суждено было получить нефартовому иностранцу. В итоге папе стоило определенных усилий если не змять дело, то хотя бы отправить А. вместо КПЗ в военкомат. (Остальная компания отправилась по этапу.) Забегая вперед, скажу,

что даже это пошло на пользу А. Когда он вернулся в университет, у однокурсников не возникло ни грана сомнения, кого избрать в комсорги факультета. Служба А. длилась положенные два года. В Москве, в спортроде. Он был неплохим боксером, тень которого тоже была ничего себе. С ней, А. вполне уживался. И никогда не ссорился. Не то что товарищи по команде со своими. Я мог бы наврать, что где-нибудь там, в штабе округа, они, возможно, пересекались с Б. Для драматизма. Но не стану, поскольку это-то как раз было невозможно – Б. в те времена постоянно пребывал за границей. А. стал посещать за границу несколько позже. И совсем другие страны. И уж совсем по другому поводу. Тут кстати вспомнить о прообразах мушкетеров из великого романа господина Дюма-отца. Чей сын до поры тоже, между прочим, находился в тени. Так вот – эти люди (прообразы) существовали. Но – грустная подробность – так и не познакомились, поскольку жили в разное время. А наши герои познакомились. Вернее, познакомятся. Вот-вот. Еще чуть-чуть.

После дембеля А. с отличием окончил университет и стал конструировать свое будущее. Второй секретарь райкома комсомола, стэйшн-менеджер какой-то новой организации с диковинным названием «DHL», и, наконец, директор небольшой, но очень солидной конторы, специализирующейся на продвижении IT-технологий. Всё сам. (Кто бы сомневался.)

В тридцать лет А. женился на дочке нефтетрейдера. Не на дочерней фирме, а именно, что на дочке – очаровательной и великолепно образованной. По любви. Хотя дочерняя фирма в этом раскладе

тоже присутствовала – в качестве приданого. Что тут скажешь – деньги к деньгам. А родители А. подарили молодым двухуровневые апартаменты на Оболонских Липках. Название то еще – настолько же претенциозное, насколько и местечковое. Отвратительное название. Чего никак не скажешь о самом районе. Близость Днепра, роскошная парковая зона, безупречная инфраструктура – все на ять. Архитектурный ансамбль слегка портили несколько стоящих поблизости допотопных девятиэтажек, но это можно было пережить. Молодая семья с этим справилась. Через год у них родилась дочка Саша, а еще через год появился Гектор. Для краткости. Потому что, если я стану перечислять все имена этого без преувеличения инфанта доберманьей породы, редакторы заподозрят меня в стяжательстве. И будут правы – Гектор обладал родословной, которой могли бы позавидовать многие представители старинных монарших семей. Тем более что она была настоящей. А кроме того, пес и вправду выглядел впечатляюще. Красавец красавцем. Форма соответствовала содержанию. И вот они сошлись. «Вода и камень», как сказал классик. Про стихи и прозу тоже будет. И про лед и пламень. Только позже. Дайте срок.

В то утро был туман. Чук и Гектор вынырнули из его клубов нос к носу. И на какой-то миг опешили в недоумении – откуда на днепровском берегу взялось зеркало? До того они были похожи – вплоть до ошейников. А потом, не тратя времени на глупые церемонии (хозяйева вот-вот могли все испортить), молча бросились друг на друга. И понеслась! Они с наслаждением дрались целых полторы минуты. Пока не

раздался крик: «Гек, сука, назад!!! Ко мне, я сказал! Быстро!!!» Гектор впал в замешательство. Во-первых, потому что кем-кем, а сукой ну никак не был. А во-вторых, по причине так некстати возникшего противоречия. С одной стороны, просто необходимо было поставить на место этого зарвавшегося хама. С другой – невыполнение команды граничило со святотатством. Так нашептывали в голове бесчисленные родовитые предки. Да он и сам знал, чего уж... От душевных мук Гектора спас короткий разбойничий посвист с дальнего края пляжа. И приближающиеся шаги бегущего человека. Противник мгновенно отпустил ухо и сел истуканом с видом «я – не я». Гад такой. Лицемер. Впрочем, хитрость мерзавцу не помогла. Рядом возник хозяин и стал охаживать его поводком и ругать, почему-то называя Гектором. Но триумф длился недолго. Самого Гектора схватили за ошейник (совершенно чужой дядька в камуфляже) и надавали тумачков. При этом дядька поминал какого-то неизвестного по имени Чук.

Вы поняли? А. и Б. сгорая, да еще в тумане перепутали своих питомцев. А те, видимо будучи взаимно увлечены страданиями друг друга, не сопротивлялись. Когда недоразумение выяснилось, изрядно смущенные мужчины обменялись извинениями и расстались. Чук и Гектор предпочли обойтись без извинений, каждый покинул поле боя с гордо поднятой головой. Особо вертеть которой все равно не позволял так называемый «строгач».

Они снова встретились у воды – дуэлянтов необходимо было привести в порядок до того, как их увидели бы домашние. Б. и А.

промывали собачьи раны метрах в десяти друг от друга. Б. был спокоен. Как всегда. А. поигрывал желваками – у «этого придурка» не хватало как минимум четверти левого уха. Участие в очередной выставке теряло всяческий смысл. Доберманы же, хоть и порывивали для порядка во вражескую сторону, в основном занимались тем, что лакали из Днепра и виновато заглядывали в глаза хозяевам. Мол, «Ну, ладно тебе. Ну, да, вспылел. Ну, извини, если угодно. Дай, вот в щеку лизну. Только, знаешь, он тоже хорош... И вообще, если хочешь знать, это всё он первый начал...» А сами, паршивцы, втайне мечтали договорить. Со временем. Без свидетелей.

В какой-то момент молоко тумана расступилось, и совсем близко материализовалась лодка. Если бы не это, рассказ тут бы и кончился. Лодка бесшумно плыла по течению. На корме клевал носом некто в армейской плащ-палатке и с удочкой. Лицо незнакомца скрывал капюшон. По всему было видно, что он дремлет – удочка чудом держалась в почти разжатых сном пальцах.

А. сложил ладони рупором и от души гаркнул: «Старый шкипер Вицлапуцли! Ты, приятель, не заснул?!!» Человек на корме вскинулся и крепче сжал удилище. Затем легким движением сбросил капюшон. Оказалось, что у него и вправду серебристая, в тон воздуху, квадратная борода. Окончательно проснувшись, таинственный рыбак (рыбак ли?) благодарно кивнул в сторону А. И лодка почти сразу же снова растворилась в белесой дымке.

Все это время Б. внимательно, не отрываясь, смотрел на хозяина Гектора. А потом негромко, но внят-

но продекламировал: «Берегись, к тебе несутся стаи жареных акул». И добавил: «Только «Вицлипуцли»... А., в свою очередь, обернулся к Б. и сказал: «Да, точно. Давно не перечитывал. Все, знаете, как-то... Нет, ну туман-то, туман, да? И вообще, вы заметили, какие нынче стоят погоды?» – «Предсказанные», – отрезал Б. Он в кои веки тоже улыбался.

Это было, как в песне: «Я узнаю тебя по тайному знаку, ты узнаешь меня по перстню на пальце». Некий коммуникационный код. Пароль, которого так жаждут все Родственные Души (впоследствии, кстати, выяснилось, что О. Генри любимый писатель обоих). Они разговорились. И продолжили прогулку вместе.

Доберманы, чувствуя растущую взаимную приязнь хозяев, только философски пожали плечами с некоторым, правда, сожалением. После чего свесили языки и примирились. В пику собачьим психологам и собственному естеству. И пошли каждый по свою сторону – невозмутимые и запредельно красивые, похожие на древнеегипетские двухмерные фрески.

Б. и А. подружились. Виделись почти каждый день. На берегу – с гостями как-то не задалось. Гуляли и в дождь, и в снег. Иногда спорили о политике. А., например, утверждал, что тогдашний Президент Украины (На букву Я) – есть эталон дорвавшегося до власти жлоба. Перфект, так сказать, бинго. Поскольку представляет собой практически идеальное сочетание невежества, алчности и хамства. Б. не соглашался, приводя в пример господ Дювалье, Лужкова и Буша-младшего. А. числил себя убежденным сторонником евроинтеграции и призывал Б. солидаризо-

ваться. Б. в ответ только усмехался и цитировал Котляревского: «Не будеш там ходить на памрі, а зараз станеш чотирма. Пропали, як Сірко в базарі – готуйте шії до ярма...» Ну и так далее.

Но в основном говорили о литературе. С удовольствием. Дома этого не получалась. – Зоя готовилась в аспирантуру и замуж за бывшего однокурсника. Супруга же А. с некоторых пор читала исключительно то, что в тренде, и ничего больше.

Вот они и отрывались при встречах. И уж здесь их предпочтения полностью совпадали. Еще тогда, в первый день, будущие друзья обратили внимание на забавное сочетание кличек своих собак. Разговорились и сошлись на том, что зря все-таки некоторые толкуют о душевном нездоровье Гайдара. В смысле Аркадия, деда, – отчетливый был писака. Взять хотя бы «Судьбу барабанщика» – интрига, саспэнс, все дела, Хичкок нервно курит. Это А. сказал. А Б. наморщил лоб и спросил вроде бы ни к селу ни городу: «Теплов? «Хождение по мукам»?» Здесь они обменялись рукопожатиями и номерами телефонов.

На следующий день сравнивали переводы «Троих в лодке» Салье и Донского. В пользу последнего, разумеется. (Б. шпарил о дядюшке Поджере и так, и так, А. восхищался.) Потом мучительно вспоминали имена дам, покончивших с собой вслед за Есениным и Модильяни. Вернее, вспоминал А., а Б. делал вид. Из деликатности. Он помнил. В завершение посмаковали последние слова Баркова и уж совсем наскоро заклеили злодейку-судьбу, так своеобразно обеспечившую сохранность тайны Эдвина Друда. И распрощались до завтра.

Началась дружба. Они виделись почти ежедневно. Бродили вдоль кромки воды и беседовали. Политика со временем совсем ушла в сторону. Тем более что там все было ясно. Со всеми. Остались Аверченко и Тэффи, Мейлер и Воннегут, Моравиа и Родари... И, разумеется, беспроегрышный О. Генри.

Если же не срасталось с прогулкой, друзья созванивались. И все равно говорили. А. и Б., так сказать, висели на трубе.

Собаки быстро привыкли друг к другу. И, пользуясь тем, что увлеченным беседой хозяевам зачастую бывало не до них, совершили немало славных дел.

Например, дали джазу полукриминальной группировке туземных люмпенов. Те, находясь под влиянием экзотических спиртосодержащих веществ, сначала приняли Чука и Гектора за новых собутыльников. Доберманы, кстати, не возражали. Они молча втиснулись в медитирующей у костра круг и сидели до поры смирно. Пока кто-то не стал истерически предьявлять Чуку за Лильку и пугать его своим достаточно коротким знакомством с неким Шпунтом... Впоследствии многие поколения здешних алкоголиков за версту обходили нехорошую поляну, а Чук и Гектор сделались в тех местах едва ли не фольклорными персонажами.

В другой раз компаньоны наголову разбили пару племенных старффордширов, Боню и Клайда. В обоих смыслах. По праву победителей. И, вдохновленные успехом, с налету атаковали главную на берегу собаку, Дольфа. Но здесь им не обломилось – опытный фила бразилейро видел и не таких. Приятели вынуждены были отступить.

А еще они спасли, вернее сохранили, две молодые семьи. Было так. Там, на набережной, многие по утрам бегают. Занимаются собой. И вот одна очаровательная замужняя бегунья подвернула ногу. Ей тут же оказал помощь случившийся рядом мужественный и, соответственно, женатый бегун. Они познакомились и стали бегать рядом. И заниматься не столько собой, сколько друг другом. И по прошествии положенного времени договорились о совместном утреннем заплыве в сторону близлежащего островка. Одежда (вся), опять же по взаимной договоренности, осталась на берегу. И вот, когда грехопадение казалось уже неизбежным, из окаймлявших пляж зарослей появились наши четвероногие мачо. Цапнули во вместительные пасти всякие там футболки, плавки, бикини – и были таковы. Прелюбодеям оказалось не до блуда. Битый час они носились по кущам неглиже и вовсю использовали ненормативную лексику. В перерывах между матюгами звучали произносимые в пустоту взаимные претензии, обидные и в основном несправедливые. Результатом поисков стал один стоптанный кроссовок. Увы, чужой. Доберманы наблюдали за представлением с того самого островка – они тоже были не дураки поплавать. В конце концов, несчастные смирились и, прикрывая руками срам, понесли повинные головы к семейным очагам. На потеху щелкающим камерами телефонов проходим. А также в назидание всем потенциальным любителям адюльтеров...

Они разошлись, не прощаясь. И в дальнейшем избегали всяческих контактов.

Стоит упомянуть, что большин-

ство своих безобразий Чук и Гектор умудрялись провернуть, оставляя хозяев в полном неведении. Чтобы не нервировать, надо полагать. И по первому же свистку возвращались к ноге, соревнуясь, кто из них более дисциплинированный.

Заводилой всегда оказывался бестия Чук. Гек неизменно шел на поводу. Сановные предки буквально лаяли от возмущения в его идеальной по всем статьям экстерьера башке, но ничего не могли поделаться. Их слабохарактерный потомок как с цепи сорвался. Вместе с этим своим парвеню. Хотя некоторые из пращуров, особенно те, кто помоложе, втайне завидовали. Склонность к авантюризму, знаете ли. Доминантное свойство многих аристократов. И не обязательно собак. В общем, все четверо получали истинное удовольствие от общения.

А потом грянул Майдан. Вот уж где было этого самого льда и пламени! С избытком.

Друзья перестали видаться. Вернее, видаться-то они виделись, и даже часто, но не узнавали друг друга. Поскольку один постоянно был в черном сплошном шлеме, а другой не снимал балаклаву. (Мало ли, как оно потом обернется.) Чука выводила Зоя. Десять минут у парадного – и домой. А Гектора вместе с женой и дочкой А. еще в самом начале вывез на дачу, в Пущу-Водицу.

В тот день Б. здорово устал. Он с утра сдерживал своих парней от того, чтобы двинуться вперед и разметать эту брызжущую ненавистью и зажигательной смесью, хлипкую пока еще фашистскую мразь. Б. как человек военный ждал приказа. Но как человек умный понимал, что приказа не будет. И от этого слегка нервничал. И позволил

себе расслабиться. В какой-то момент, худо-бедно выровняв только что смятый бульдозером строй, не своих парней, нет – мальчишек-вэвэшников, Б. устало стащил шлем и попросил закурить. Но развязать не успел – в его уникальную голову впилась пуля кахетинского снайпера. Снайпер очень переживал за свое реноме, основательно подмоченное в 2008 году. И видимо поэтому снова опростоволосился. Б. умер мгновенно, не мучаясь, не успев даже упасть на обледенелый асфальт. Черный ряд тут же сомкнулся, и находившийся справа от стрелка человек с видеокамерой на плече остался с носом.

В это время А. призывал патриотов к решительному штурму этих... тут он на секунду запнулся, сторожевых псов преступного режима. В оправдание А. можно сказать, что он даже не представлял, каков будет режим следующий. И так и остался в неведении. Снайпер, который контролировал соответствующий сектор обстрела (на сей раз из солнечной Аджарии), был настоящим профессионалом. Он раздробил цели бедренную артерию и обеспечил своему оператору очень эффектную картинку – прежде чем умереть, А. истекал кровью около пяти минут.

Б. хоронили, не завозя домой, – чтобы не рисковать близкими. Чук чувал неладное, но крепился. Так, разве что скулянул пару раз ночью, но моментально себя одернул. И продолжал ждать.

Похороны А., наоборот, были роскошными и очень пафосными. Фотографии элегантной вдовы с дочерью обошли несколько зарубежных изданий. Гектора на церемонию не взяли. Оставили в Пуще, с прислугой. Он тоже нервничал,

но предки категорически запретили какие бы то ни было истерики.

Когда Майдан потух и ад не то чтобы кончился, а просто перешел в новое качество, Зоя с женихом решили уехать. Они выправили документы для Чука, закрыли квартиру и отправились на вокзал. Приехали на всякий случай заранее. Чук, улучив минуту, когда Зоя отошла, вежливо, но решительно освободился от опеки ее избранника и, волоча за собой поводок, с ускорением двинулся в сторону улицы Жадановского, ныне Жилианской. Как он добрался до Оболони, остается загадкой. Но когда через час примчавшаяся на такси Зоя стала расспрашивать дворника, тот сказал, что «да», мол, «був, потэряся биля парадной, а тоди чкурнув на бэрэг». До поезда оставалось всего ничего, но Зоя побежала к Днепру. Жених несся сзади. Они были, вернее, тьфу, тьфу, есть хорошие люди. Чук их видел. Он не хотел, чтобы Зоя плакала, но все равно не вышел. И Зоя уехала.

Гектор примкнул к приятелю через три дня. Накануне семья А. окончательно перебралась домой. В то утро пес вяло ткнулся носом в свою стильную миску, разжевал несколько гранул «Пурины» и, влекомый прислужгой, поплелся вдоль набережной. Прислужга пеняла ему растущим курсом доллара, нещадно дергала за шлею и обзывала «сволотомой». Как будто бы Гек имел какое-то отношение к стратегии Национального банка. Впрочем, ему было все равно.

И тут, внизу, где начинается чаща, мелькнул знакомый силуэт. На самой границы периферийного зрения. Еще секунду назад понурый неизвестно кто, а ныне вновь доberman, собака такая, насторожил уши (Левое, искалеченное, торчало

чуть в сторону.) Сомнений быть не могло. Он развернулся к прислужге и коротко рыкнул. Этого оказалось достаточно. Прислужга выпустила чепрак и сделала смирно. Гектор неспешно двинулся к Чуку. Потом не выдержал и припустил со всех ног. Предки сказали: «Фи».

Его не искали. Вдова А., конечно, была раздосадована. На днях предполагался показ новой коллекции от кутюр. В стиле «милитари». В черно-красных тонах – Гектор пришелся бы весьма кстати. Но, с другой стороны, эта вечная шерсть. И запах. И на того симпатичного мужчину едва не бросился, возле лодочной станции, в Пуше-Водице. Короче, она ограничилась тем, что уволила прислужгу. Все равно кого-то одного надо было. Из-за этого гадкого курса.

Чук и Гектор стали ждать вдвоем – вместе это получалось легче. Их подкармливали. В первую очередь, хозяйка Дольфа. Да и другие тоже – многие помнили Б. и А. Кроме того, ночью к услугам приятелей были задние дворы окрестных кафе и ресторанов, коих, там, в парковой зоне предостаточно. Они даже поправились. Совсем чуть-чуть. Но предки Гектора всё равно пришли в ужас.

Хозяйка Дольфа знала о собаках практически все. И любила цитировать известный афоризм Ларошфуко – мол, «чем больше я узнаю людей...», ну, и дальше по тексту. Более того, она была полностью согласна со старым остряком герцогом. Поэтому даже не рассматривала возможность забрать Чука и Гектора с берега. Просто, накупив собачьих шампуней, время от времени приводила запаршивевших доберманов в порядок (вначале те не давались, но тут выручил автори-

тет повелительницы грозного бразелейро). Она понимала причину их пребывания здесь. И восхищалась. А однажды, будучи наедине с новыми питомцами, даже пару раз всхлипнула. Никто, слава те Господи, не видел – хозяйка филы считалась очень сильной женщиной. В основном среди собачников – своей семьи у нее не было.

Друзья устроили базу на той самой потаенной поляне, где когда-то так весело провели время с местной бухарой. Впрочем, они теперь даже не вспоминали о своих каверзах. Вели себя тише плещущейся неподалеку воды. Были незаметны и зыбки. И за несколько секунд до появления кого-либо чужого бесшумно исчезали – чуть было не написал в сельве – в зарослях ивняка.

Весь жизненный уклад наших героев подчинялся единственной цели. А хозяева все не шли. Вместо них пришло лето.

Неподалеку квартировал некий, назовем его так условно, человек. Почему условно, станет ясно чуть позже. Совсем чуть. Да и вообще уже скоро конец.

Так вот, этот самый человек работал на канале, принадлежащем нынешнему Президенту Украины. Нет, не киркой, поскольку это был не ирригационный канал. У нынешнего Президента Украины (на букву П.) нет ирригационных каналов. Ни одного... вроде бы. Вот если бы дело происходило где-нибудь в Средней Азии, тогда да. А в нашем случае речь идет о канале телевизионном. Самом честном (так, во всяком случае, утверждают его сотрудники). И работал человек в основном языком. Хотя язык у него был – куда там иной кирке. Стоп. Ну не могу я это ничтожество называть человеком. Даже условно.

Хоть режьте. Пусть будет Журналист. Вот так, с большой буквы. Тем более что в данной профессии он и вправду достиг настоящего мастерства. Среди прочего, Журналист был чемпионом по выдерживанию многозначительных пауз в эфире. Даже давал мастер-классы коллегам. Во времена преступного режима подобное умение ценилось на вес золота. И всячески поощрялось. Не то что сейчас.

А еще он с одинаковым блеском мог подать любую новость в самых разных контекстах – от обличительного до восторженного. В зависимости от указаний начальства. Начальства было много. Между Журналистом и нынешним Президентом уровней эдак пятнадцать. Иногда нынешний Президент, запросто, без чинов звонил руководству канала и по-отечески его журрил. Если считал какой-либо сюжет все еще недостаточно честным. И давал соответствующие наставления. Некоторые из них есть в Сети. Можно вот сейчас прямо прерваться и послушать. Послушали? Вот.

Руководство незамедлительно транслировало месседж по нисходящей. И добавляло кое-что от себя – на каждом этапе. До репортера все это доходило в виде комка сплошного мата, еще более гнусного, чем вначале, пусть подобное и кажется невозможным. И тогда происходило чудо. Журналист ощущал эрекцию и работал много-много лучше. Он обожал, когда его ругают. Особенно мужчины. Хотя и тщательно это скрывал. Во время революционных событий нынешний Президент Украины очень нервничал. Что, собственно, и обусловило взлет в карьере нашего нового персонажа. Он, кстати, и сам бывал на майдане. В связи с редакционным заданием

и по собственной инициативе, два раза, в поисках вдохновения. А однажды, находясь в глубине бурлящей толпы, даже бросил бутылку с зажигательной смесью. Но из-за природной неуклюжести попал в голову кого-то из стоящих в первом ряду. К счастью, в неразберихе никто не заметил. Кем-то оказалась семнадцатилетняя пассионария из Прикарпатья. Снедаемый чувством вины, он потом сделал сюжет о начисто облысевшей за евроинтеграцию героине. А после выписки из лечебного учреждения попытался ее, как теперь говорят, трахнуть. Очень популярный эвфемизм – с легкой руки Леонида Володарского. Но юная патриотка не поддалась и сбежала от греха домой, в Ивано-Франковск, бывший Станислав. Неблагодарная тварь.

Журналисту вообще не везло с женщинами. По причине плюгавости и дурного запаха изо рта. У Журналиста, само собой, не у женщин. Хотя и среди тех попадались всякие. Тут уж выбирать не приходилось.

Тем ценнее был сегодняшний вечер. Рядом шла весьма привлекательная особа. Соблазнительные формы, провокативная юбка и почти полное отсутствие интеллекта. То есть глупа, как пробка. Они познакомились два часа назад на кастинге. Журналист уже наплел ей о своих неограниченных возможностях в смысле решения кадровых вопросов и теперь, на пленэре, рассказывал «за майдан». Не забывая подчеркивать личное и как бы еще не решающее своё в нем участие.

По всем расчетам выходило, что еще чуть-чуть – и можно приступить. От этого в паху возникало ощущение прилива, а песнь Льда

и Пламени звучала особенно вдохновенно. Он жег от души. Джордж Мартин обзавидуется.

У девушки тоже имелись и планы, и расчеты. Во-первых, она очень хотела работать на телевидении. А кроме того, ей негде было ночевать. Сегодня утром хозяйка отобрала ключи – старая карга требовала денег за два прошлых месяца. А деньги кончились. На последние она сделала губы. И то не хватило – пришлось дать пластическому хирургу, член которого оказался еще более пластичным, чем его пальцы. Горе луковое, спасибо хоть ботокса не пожалел.

В общем, надо было что-то делать. Возможность возвращения в родное село даже не рассматривалась. Да это было и невозможно. С такими-то губами. Нет. Только вперед. Навстречу славе.

Девушка давно выстроила линию поведения: на природе ничего не будет. Несколько поцелуев, не более. Во что бы то ни стало нужно попасть в квартиру, а там ее палкой не выгонишь. Для этого существовало множество всяких хитрых способов. Уже порядком подустав от неиссякаемого потока слов, будущая звезда решила перехватить инициативу. «Задовбав вжэ тым майданом. Тэмние оно. Трэ щось робымть, бо николы свого хавала нэ завамлыть». Плутовка проскользнула вперед, изящно прильнула к спутнику, якобы в истоме закрыла глаза и потянулась к его губам. Тот в свою очередь тоже зажмурился, изготавливаясь как можно достойнее ответить на поцелуй. «Божэ, як вид нього воням», – подумала девушка и вдруг бесшумно отлетела в сторону. В кусты.

Чук уже долгое время шел па-

раллельным курсом, наблюдая за парой. Вернее, не за парой, а за Журналистом. Да, я забыл сказать, что Журналист после революции постоянно ходил в камуфляже. Практически не снимая его и зачастую забывая стирать. И из-за этого злосчастного недоразумения Чук принял Журналиста за своего. Не за хозяина, куда этому странному существу до хозяина. Но за того, кто может что-нибудь знать. И отвести туда, где сейчас Б. А если повезет, то, может, и А. Вообще-то, здесь чувствовался какой-то подвох. Что-то было не так. Вот только ожидание слишком затянулось и становилось невыносимым. Особенно для Гектора – напарник выл каждую ночь. И Чуку с каждым разом все больше хотелось присоединиться. Он склонил голову на бок, еще секунду подумал. После чего споро пошел на сближение.

Журналист ощутил мягкий толчок в грудь и открыл глаза. Вместо девичьих рук его плечи обвивали две мощные черные лапы. А напротив, там, где только что были сексапильные женские губы, щерилась в дьявольском оскале длинная собачья пасть. Твердость в члене исчезла мгновенно. И не вернулась даже на следующее утро. Но Журналисту было не до таких мелочей. Он коротко, по-заячьи крикнул и как полоумный рванул напролом сквозь дебри. Во тьму. Чук перестал улыбаться и вздохнув опустился на четыре лапы. Затем, не обращая внимания на онемевшую от ужаса девушку, затрусил в сторону поляны. Ужинать. Сегодня они с Гектором добыли длиннущую вереницу просроченных сосисок и ондатру.

Придя в себя, девушка побрела наугад. И вышла на костерок. Но встретила не двенадцать сказочных

месяцев, а тех самых алконавтов, старинных знакомых Чука и Гектора. И присела рядом.

Сейчас несостоявшаяся телеведущая ночует у каждого по очереди. Ее лицо приобрело синюшный оттенок и уже мало чем отличается от лиц сожителей. Разве что чудовищно большими губами.

У Журналиста от бега чуть не выскакивало сердце или что там у него было. Он стоял в собственной прихожей, тяжело дыша и борясь с искушением забаррикадироваться. Затем включил плазму, ноутбук, свет во всех комнатах и настольную лампу. Еще раз, уже в десятый, подергал дверную ручку, надежно ли заперто. И, не раздеваясь, лег. Облился холодным потом, вскочил, проверил кладовку и снова лег, более или менее успокоенный. Сморил практически сразу.

Сначала возник липкий кошмар, в котором Журналист был аккуратно порубленными кусочками сырого мяса в старом родительском холодильнике ЗИЛ. Он вскинулся и понял, что жутко замерз. Вытащил из запретного шкафа хозяйское одеяло с пеликанами. Свернулся калачиком, угрелся и снова впал в забытье. Всю оставшуюся ночь ему снилось «Время волков», с самим собой в роли Марка Дакаскоса.

Журналиста разбудило внезапное, подобно вспышке, понимание того, что произошло накануне. «Собака! Собака бродячая, блин! Какие там, к болтам, оборотни». Он сел. Часы показывали девять. Озарение сменилось облегчением, потом пришел стыд, который почти сразу же уступил место злобе. Журналист привык к унижениям. Но исключительно от начальства. На это он был согласен. Даже жаждал.

А всяким там вшивым псинам спустать категорически не собирался.

Здесь гордец почувствовал прилив (увы, всего лишь энергии), вскочил и прошел к зеркалу. Выглядел он мерзко. И пах так же. Даже хуже обычного – коль скоро сам чувствовал запах.

Дело в том, что вчера, навоображав в темноте погоню, Журналист постоянно оглядывался. И в результате несколько раз падал. Напоследок, уже у парадного, в какую-то слизь, оставленную мусоровозом. И теперь походил на плененного гуками американского рекрута, которого добрых лет пять продержали в яме.

Для того чтобы привести себя в относительный порядок, потребовалось полтора часа. Выйдя из ванной, Журналист сразу кинулся обрывать телефоны службы по отлову бродячих животных. Там, впрочем, не заинтересовались. Его вообще не стали слушать. Все что он успел – это поздороваться. И услышать в ответ флегматичное: «Нэма бэнзыну». И дальше пошли короткие гудки. Журналист истерически рассмеялся и несколько раз ударил трубкой о журнальный столик. «Ну, падлы, я ж вам сделаю...» А потом вспомнил о знакомых активистах. Новый эвфемизм. Активисты. В нынешнем Киеве его знают все. Да и вообще везде. А кто не знает, тому не дай Бог узнать.

Он порылся в памяти мобильника и набрал номер. На этот раз его выслушали внимательно. Потом была пауза, которая составила бы честь его лучшей курсистке, а потом голос на другом конце произнес: «Пятихатка*. Покатыть?» Репортер подавился слюной. Затем

* Пятихатка – пятьсот долларов (жаргон).

понюхал ладонь – пахло помоями. Хоть плачь. Журналист решительно стиснул зубы и ответил: «Покатыть». На том конце сказали – «Нэма проблэм» – и дали отбой.

Рано утром Чук и Гектор вышли на берег. Как в старые добрые времена. Они трусили по кромке пляжа, глядя прямо перед собой. Это были матерые доберманы. Доминирующие самцы. Многочисленные в этот час собачники восторженно цокали языками. Их подопечные кобели завидовали, а не кобели буквально рвались с поводков, чтобы если не поиграть, то хотя бы куснуть этих неприступных, а потому еще более желанных красавцев. Все. От молоденьких псиц до старых, прожженных сук. И одна из них, Герда (тоже доберманеха, достаточно молодая, чтобы делать глупости), исхитрилась выскользнуть из ошейника, и умчалась вслед за друзьями в сторону затона. Хозяйка бежала следом, но куда там....

Когда Герда, разбрасывая во все стороны водяные брызги, нагнала друзей, те снизошли. Оба. А потом заторопились на свою поляну. И там задремали. А непослушная Герда вернулась к хозяйке. Ее немного пошатывало. Метров за десять она легла на брюхо и поползла, виновато прижав уши. Герда знала, что взбучки не миновать. Но, если честно, ни о чем не жалела. Оно того стоило. И знаете? Хозяйка ее не очень-то и наказывала. Вынужденная обходиться без секса уже более трех месяцев, она где-то в глубине души понимала свою Герду. Как женщина женщину.

Активисты прибыли в черном «кубике». Раньше, до «революции достоинства», они ездили в марш-

рутных такси, стремясь по возможности не заплатить. Но все, как говорится, изменила революция. Теперь это самое достоинство просто-таки переполняло каждого из пассажиров статусного автомобиля.

Джип, наплевав на правила, перевалил через ограждающий пешеходную зону бордюр и под углом в 60 градусов сполз по только что подстриженному, умытому росой склону.

Журналист поджидал на опушке, там, где начинались деревья. Он уже испросил на работе отгул и теперь меланхолично вспоминал как давным-давно, будучи еще человеком, а не тварью дрожащей, делал программу, посвященную разным медицинским курьезам. И там, в скорой помощи, услышал историю о некоем оригинале, который вызвал бригаду, не обнаружив у себя утренней эрекции. Журналист невесело улыбался и думал, что вот, мол, пришел и его черед. И что при других обстоятельствах ему тоже, наверное, стоило бы озаботиться давешней физиологической неприятностью. Не настолько, чтобы впадать в панику, но все же... А может, действительно ситуация требует экстренного реагирования? Пока случай не запущенный. Да! Решено. Надо бить во все колокола. Впрочем, не сейчас. Не время. Вопросы чести прежде всего. Тут он заметил сползающий вниз «кубик» и, размахивая руками, бросился навстречу.

Активистов было пятеро. От 16 до 25 лет. Все недавние футбольные фанаты. Двое ультрас, двое поклонников «Металлиста» и один львовский карпатовец. Главаря, извините, Командора звали Лэвко. Это он был ультрас. Его младший брат, Марко, смотрел Лэвку в рот

и любил его даже больше футбола.

Об остальных не знаю, что сказать. Так, эпизодические персонажи.

А вообще, очень разношерстная публика. Единственное, что объединяло всех пятерых, – непомерное, как уже было сказано, самомнение и жуткая каша в головах.

Лэвко еще зимой дал Журналисту пространное интервью. Что-то там о геополитике. В стиле Швейка, хоть и не читал. С тех пор он мнил себя медийной персоной и жаждал (помимо денег, конечно) снова попасть в эфир. Поэтому выскочил из машины чуть ли не на ходу, с видимым намерением обнять старого знакомого. Но в последний момент подозрительно принохался и воздержался даже от рукопожатия. Остальные члены команды тоже кивнули, и тоже издали, и стали экипироваться. Они напяливали броники, берцы и прочее прямо на шорты и футболки и тут же подгоняли все это друг на друге. Потом достали из багажника автоматы и присоединили рожки.

Лэвко выглядел круче всех. Командор щеголял в полном боевом снаряжении офицера подразделения на букву Б. Как оно ему досталось – это отдельная история.

Вам не понравится.

Когда все было готово, львовянин произнес: «Вйо!», и активисты углубились в чашу, к месту вчерашней фантазмагории. Дойдя, остановились. Потом Лэвко снова осторожно двинулся вперед и, не оглядываясь, поднял над головой руку в тонкой кожаной перчатке. С воздетыми вверх тремя пальцами. Потом два из них опустил, а третьим, указательным, сделал вращательное движение и ткнул вперед.

Что означают все эти жесты, он и сам не знал. Так, видел в каком-то из голливудских блокбастеров. Его соратники тоже не поняли ни бельмеса. Но они почувствовали в подобных концертах далеко не в первый раз. Поэтому привычно рассыпались цепью и стали короткими перебежками перемещаться вслед за вожаком. Журналист был впечатлен. Вместе с несколькими испуганными до всырачки ранними шашлычниками.

Совершенно случайно выбрав правильное направление, группа медленно приближалась к той самой поляне.

Чук и Гектор почуяли опасность метров за сто. Они разошлись в разные стороны и скрылись из виду, как будто их и не было. Как обычно. А через несколько минут из зарослей появились активисты. Позади, время от времени незаметно трогая себя внизу (не случилось ли чуда), плелся виновник – не так чтобы торжества – как скоро выяснится.

И снова купился Чук. Умница Чук, который всегда соображал лучше Гектора вместе со всеми его бесчисленными советчиками. На этот раз он был уверен. На одном из людей была точна такая же черная форма, как у хозяина.

Чук вышел навстречу убийцам и несколько раз вильнул обрубок хвоста. Лэвко передернул затвор. Чук среагировал правильно, как учили. Он с места взвился в воздух и почти успел. Если бы не гран сомнения, успел точно бы, к гадалке не ходи. А так, словил пулю. Выстрел прервал атаку в самом интересном месте – в нескольких сантиметрах от паха цели. Чук рухнул на землю всем телом. Не взвизгнув. Он не умел визжать, как Б. не умел плакать. Командор издал короткий

нервный смешок: «Всё товариство. Можно купаться». В секунду побросав амуницию, «товариство», жизнерадостно матерясь, ломануло к Днепру. Кроме Марка. Старший брат удовлетворенно хмыкнул. Он планировал по-быстрому покончить с формальностями. Без свидетелей. Себе – 300 бакинских, остальным по 50. Мамлого устроит любая пропорция. В отличие от прочих. А потому, пусть пока поплещутся. В квача* поиграют.

Скрытый густым орешником Гектор стоял точно за спиной Лэвка. И, склонив голову набок, глядел в стекленеющие глаза друга. Невыносимо свербело ухо, видимо на погоду. В голове стало пусто. Никого. А потом из самой глубины кто-то из вечно брюзжащих стариков, может быть даже глава рода, прошептал, ободряюще и немного грустно: «Вперед». И Гектор в кои веки послушался.

Через несколько секунд так называемый Командор извивался под черным, как ночь, пятидесятикилограммовым демоном, тщетно пытаясь просунуть локоть между его пастью и своим горлом. И благим матом орал, почему-то по-русски: «Марик, шмаляй!!! Шмаляй быстро, Мари-и-икккх...» Марко вышел из оцепенения, когда вопль брата уже окончательно захлебнулся. Он поднял автомат и остервенело полоснул длинной очередью. От бедра. Ни один патрон не пропал даром. Свинцовый дождь скосил всех троих выбегающих из-за деревьев побратимов. Наповал, разом. А заодно и Журналиста. Мальчишка не знал, да и откуда, что, если стрелять без упора, у АКМ ощутимо задирает ствол. И ведет вправо. А еще

* В квача – в горелки (укр).

он не знал, что может калашников с расстояния в десять шагов. Теперь жуткая каша была уже не в головах. А из голов. Определить, кто за кого когда-то болел, не представлялось возможным.

Журналист перед смертью успел прижать ладони ко рту. Очевидно, в надежде спасти свой драгоценный язык. И таки уберег. Но вот незадача – зато разворотило кишки.

Увидев, что натворил, Марко откинул автомат в сторону и впился зубами в собственное запястье. А потом бросился прочь. Еще отчаяннее, чем с вечера Журналист. Как можно дальше от этого места. Сейчас Марк (какой там, к черту, Марко) работает на небольшой заправке где-то под Белгородом и старается все забыть. Беженец, мать его.

Первая пуля все-таки попала в Гектора. В подбрюшье. И тоже слева. Ну что ты скажешь. У него не хватало сил разжать челюсти и сползти с закастневшего тела, которое еще недавно было Лэвком, а точнее Лёвой (так звала парня мама). Но все равно Гек улыбался. Во-первых, рядом был Чук. Во-вторых, голоса вернулись и наперебой поздравляли его с весьма недурственно проведенной схваткой. А в-третьих, он предчувствовал очень скорую и не менее приятную встречу. Гектор стал дышать все быстрее, а потом перестал. И ушел вслед за Чуком. К хозяевам. В ту страну, где опоссум сам спускается к охотнику с дерева*. Признаться, всегда мечтал написать эту фразу.

СОВСЕМ ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ДОЕЗЖАЯ СОЧИ

«Я называю это мэрская тенденция», – Ким сложил руки на широченной груди и самодовольно огляделся.

Поезд Киев – Адлер набирал ход. Все устраивалось как нельзя лучше. Сидящие напротив попутчицы – длинноногая двадцатилетняя дочь с татуированными бровями и ее напоминающая сытую кошку бальзаковских лет мамаша – смотрели вполне заинтересованно. Еще бы! При росте почти метр девяносто – всего-то восемьдесят семь килограммов. Практически идеальное соотношение – ни одной унции лишнего жира. И это в его годы – никто не верит. Когда изредка приходится спускаться в метро, контролерши рвут из рук пенсионное и вызывают милицию. Некоторые, правда, потом извиняются. А некоторые, наоборот, еще больше звереют. Видимо, расценивая указанный в удостоверении возраст, как личный выпад. Или же будучи не в силах отогнать услужливо всплывающий в памяти облик собственного сорокалетнего супруга – бесполезного в постели идейного тунеядца, склонного к тому же к нечаянным зубодробительным запоям и только лишь хитростью помещенного на принудительное лечение. Одна, изучив документы, даже плюнула от досады. Прямо на ботинок сержанту. На станции «Политехнический институт».

Ким в подобных случаях всегда чувствовал себя неловко. С другой стороны, в чем его вина? Наследственность – у супругов, своя, у него своя. А еще ускоренный метаболизм и спорт.

* О. Генри «Квадратура круга».

Вот только кожа под подбородком стала провисать, если приглядеться. И старческие пигментные пятна. И бессонница. В общем, зря тетки бесятся – конечно, он уже не тот. Хотя Лидочка, например, этого не считает. Она считает, что как раз тот, и другого не надо. Так и говорит, знакомясь с очередным соискателем на отчимство: «Мой папа – мастев сповта по квасической бойбе. А вы?» Веско произнося каждое слово. И многозначительно приподняв бровь. Кое-кто настораживается. Ия рассказывала – шурила свои шалые лисьи глаза и хохотала, как сумасшедшая. Хотя, она и есть.

Лидочка родилась, когда Ие было чуть за двадцать, а Киму порядком за пятьдесят. А потом однажды они расстались. Точнее, вдруг. А еще точнее, Ия его бросила. 31 декабря 2011 года. Стояла на кухне, готовила оливье. Зазвонил телефон, она взяла трубку, послушала минуту, сказала: «Угу». Затем повернувшись к Киму, неловко пожала плечами: «Извини, я полюбила другого». Собрала двухлетнюю Лидочку и вышла в метель. Ким настолько обалдел, что даже не сообразил вызвать такси.

Он действительно когда-то неплохо боролся. Будучи совсем молодым – за «Динамо», а в более зрелом возрасте – с организованной преступностью. И в этой связи полагал, что умеет как следует держать удар. Но здесь поплыл и долго еще не мог взять себя в руки.

«Другой», правда, со временем тоже услышал нечто подобное. И в похожих обстоятельствах. Но это оказалось слабым утешением – когда Ким, между прочим, намекнул на восстановление status quo, Ия, даже не дослушав, отрицательно

покачала головой. Не раздумывая ни секунды. Разлюбила. А он нет. И потому настоял на том, чтобы переписать на них с Лидочкой свою Русановскую квартиру. А сам поселился на даче, в Пуше-Водице. И уже тогда разлюбил. Выздоровел.

В сердце осталась только Лидочка.

Дача была старой, увитой диким виноградом и очень, очень большой. И в ней было пусто. Поэтому Ким стал сдавать нижний этаж. Да и кстати – деньги выходили немалые, до десяти тысяч долларов за сезон. И даже более чем кстати – на фоне его полуниченской офицерской пенсии.

Женщины после Ии случались редко. Ким устал от них. Не в физиологическом смысле. Здесь он вполне держал марку. Во всяком случае, крайняя, вдова какого-то майданного героя, была весьма впечатлена. И заинтригована – жаждала продолжения отношений. Так и написала в СМС – «заинтригована». Пришлось срочно сменить номер. Ким с некоторых пор ни с одной не спал больше одного раза – чтоб не привыкать. Она оказалось упорной – несколько дней кряду, подобно баньши барражировала вдоль лодочной станции на седьмой линии вместе со своим зловещего вида доберманом. Надо полагать, в поисках случайной встречи – эдакая дама с собачкой. Хотя, нет. Там был шпиц. Безобидное миролюбивое существо. Да и вообще, одетая в стиле милитари мисстрес даже отдаленно не напоминала интеллигентных и ранимых чеховских персонажей. Ничего общего. Смесь Главари* с Карацупой** – вот, что-

* Г-жа Главари – героиня оперетты «Веселая вдова».

** Старшина Карацупа – культовый советский пограничник, герой анекдотов.

то где то типа. И то – эта вдова выглядела какой угодно, только не веселой. Скорее, наоборот – и отнюдь не из-за траура. А доberman рядом с нею казался куда опаснее умницы Индуса – друга и неизменного ассистента легендарного пограничника. Вот зачем, спрашивается, таскать такое чудовище на свидание? Разве что натравить в случае афронта – дескать, «так не доставайся же ты никому!» Пришлось целую неделю обходиться без гребли. И еще два дня, на всякий контрольный. Но оно того стоило – в конце концов, роковая матрона исчезла из его жизни... И пес с ней.

Короче, потенция не подводила. Пока. Он устал в другом смысле. Бояться и ждать. Разочарований, предательства, ревности, возникающей вдруг ниоткуда утонченной, садистской деспотии и многого другого, чем так славно искусительное женское племя. Ким знал чего бояться – Ия была далеко не первой его женой. Но точно последней – и, наверное поэтому, самой любимой. Одно время, сразу после разрыва, он дошел до того, что всерьез репетировал романс Рощина из «Разных судеб». Надеясь разжалобить, что ли. Слава Богу, вовремя одумался. Тем более что с детства имел некоторые проблемы с музыкальным слухом. Мягко говоря.

Вот из-за такого рода усталости Ким рассматривал своих нынешних спутниц исключительно в качестве благодарной аудитории. Ему необходимо было выговориться. Чуть позже станет ясно, почему, правда, не до конца.

Ну, если уж совсем откровенно, положила руку на сердце, вернее несколько ниже, может он и не отказался бы от мимолетного, ни к чему не обязывающего дорожного

приключения. Но только со старшей из женщин – молодежь после Ии его не интересовала.

А с этой сексапильной, короткостриженной брюнеткой... Почему бы и нет? Но это так, «если, что» – повторюсь, вербальный контакт представлялся ему намного более важным, особенно сейчас. Все остальное успеется. А если и нет – начхать, не очень-то и хотелось....

«Итак, мэрская тенденция», – Ким слегка откинулся назад, помфистофельски вздернул бровь... и начал.

«Всяких там Омельченков, Косаковских, не говоря уже о почти что мифическом Згурском, отставляем в сторону – большинству из нынешних киевлян эти фамилии ни о чем не говорят. По той простой причине, что киевлянами они стали совсем недавно». Здесь Ким украдкой взглянул на женщин – не приняли ли на свой счет. Нет, ничего, старшая даже тонко улыбается. Он продолжил: «Настоящие же, коренные бедолаги тихонько гордятся своим столичным происхождением где-нибудь на окраинах Троещины. И бояться вякнуть, поскольку тут же будут уличены в фанаберии и уволены «с офиса». Вы, кстати, заметили – в Киеве теперь не говорят «в офис»? Теперь говорят – «на офис». И, соответственно, «с офиса». Здесь младшая зарделась – видимо, был грех. Ким, впрочем, не обратил внимания – он уже поймал кураж: «И придется убираться куда подальше. Хотя, если вдуматься, куда уж дальше Троещины... Но сейчас не об этом. Возьмем тех, с позволения сказать, мэров, которых знают все. Предыдущего, тихо помешанного сектанта, и нынешнего, назначенного американцами для прикола за трогательное сходство

с их драгоценным Кинг-Конгом.

Я не стану рассказывать, что эти мерзавцы сделали, вернее, наделали с нашим городом. А тем более перечислять, чего они не сделали. Из твердо обещанного. Это скучно и длинно и в основном общеизвестно. И на это не хватит ни ночи, ни коньяку. Угощайтесь, кстати, Леночка, Аня – это хороший, армянский. Я? Нет, спасибо. Я на ночь не ем. Наливку попробую. С удовольствием. Что? Да я и не сомневаюсь, курица выглядит и пахнет волшебю. Аппетитнее только вы. Какая там лесть, скорее прелесть – что вижу, о том пою. Нет, правда, нельзя. Возраст. Какой возраст? О, вы удивитесь. Я вот лучше отломлю от шоколада. Закусить. Так вот. Намного интереснее наблюдать, за тем как эти м-м-м... господа изъясняются. И здесь действительно прослеживается определенная тенденция. С учетом всего, что мы слышали от двух крайних градоначальников, вполне, например, уместен вопрос: что же будет говорить следующий? И будет ли он уметь говорить?»

Ну и так далее. Ким приступил к цитированию Кличка. Слово в слово – его, как известно, исправлять – только портить. Спать никто не хотел. Женщины прыскали час от часу громче и поглядывали на часы. Именно тогда и выяснилось, что им скоро выходить.

Следовало поторопиться. Ким стал произносить слова быстро и несколько путано. Частично, наверное, из-за коньяка, но в основном, потому что хотел отыгаться за свое вынужденное молчание в течение двух последних недель.

Дело в том, что Ким привык разговаривать сам с собой. Вслух. Давно уже – где-то, через год по-

сле переезда в Пушу-Водицу. В его обстоятельствах это было вполне логичным – как говорится: «Я сам себе и солнце, и луна...» Очередные квартиранты сначала озадачивались, а потом привыкали. Но это раньше. А в прошлом месяце черт его дернул, польстившись на бомльшие, чем обычно, деньги, пустить новых непроверенных людей.

Семья приехала из Тернополя. Судя по всему, надолго. Ее члены, отец, мать и двое детей, восьми и десяти лет, сразу показались Киму, как бы это сформулировать, не вполне интеллигентными. Если согласиться с тем, что «интеллигентность есть врожденное чувство меры во всем». У приезжих всего было слишком – галдежа, скарба, денег и, в конце концов, их самих. Но к тому времени, когда это выяснилось, щедрый аванс уже основательно подтаял. Ким сразу, в одно касание передал большую его часть Ие, чтобы та свозила куда-нибудь Лидочку. Да и ему самому не сегодня-завтра предстояла неблизкая дорога. Так что пришлось смириться.

Семья въехала во двор на огромном «Хаммере», едва не сорвав верхнюю балку деревянных резных ворот. Затем одновременно из всех дверей джипа посыпались арендаторы, а заодно уж сразу и гости – чего, в самом деле, тянуть. Пришельцы с гоголом разбрелись по двору. Часть из них двинулась в дом. Кима демонстративно не замечали – сработала галицийская система опознавания «свой – чужой». Единственным, кто поздоровался, да и то мельком, оказался глава клана. И тут же продолжил показывать некоей Соломие Орэстовне арендованные владения.

Потом началась пьянка. Кима не позвали, да он бы и не пошел.

Ближе к ночи праздник достиг высшей точки. Ким спустился во двор, намереваясь призвать новоселов к порядку.

Вся компания сгрудилась у старого сарая, рядом с монстроподобным «Хаммером». Его польщенный всеобщим вниманием владелец как раз заканчивал прилаживать фальшномер с надписью ХУТИН ПУЙ. Остальные радовались, как дети. И восторженно матюгались, нимало не смущаясь присутствием настоящих детей. Впрочем, малолетние патриоты тоже не отставали. Родители вполне могли ими гордиться.

Вдруг весь этот бедлам перекрыла пронзительная телефонная трель. Отец семейства прижал к бордовому уху дорожную трубку, снисходительно пророкотал: «Слухаю», и тут же вытянулся во фрунт. «Авжэж, панэ радныку. Зрозумив. Блыскучэ, панэ радныку. Нэпэрэ-вэршэно. Дякую, панэ радныку. Гэроям слава!» Затем, дав отбой, обвел гостей круглым, налитым кровью глазом и вдруг истерически проорал: «Слава нации!!!» На манер «Хайль Гитлер!», даже как бы зигуя выброшенной вперед ладонью с тремя растопыренными пальцами. В ответ раздалось слаженное: «Смэрть ворогам!!!» И так три раза. Детишки старались больше всех.

В момент первого вопля Ким вздрогнул от неожиданности. Потом взял себя в руки. И наткнулся на не такой уж и пьяный, изучающий взгляд съемщика. И не счел нужным скрывать саркастическую ухмылку. Правда, замечание делать передумал. И ушел спать.

С некоторых пор его главным жизненным принципом было невмешательство – за невозможностью что-либо изменить. Надо было

тогда, в девяносто первом, не по рыбалкам ездить. Сейчас поздно. Так что лучше не рисковать и поберечь себя для будущего. Или в его случае – для прошлого. Но об этом ниже.

Назавтра после вечерней тренировки Ким смотрел в Сети долгожданное интервью с правозащитницей Татьяной Монтян. И по своему обыкновению дискутировал с ней заочно. О будущем. Соглашаясь в целом, но оспаривая частности. Главный вопрос стоял так – пустят ли неталантливому узурпатору Турчинову в Америку. Потом, после падения хунты. По всему выходило, что вряд ли, скорее убьют. И это было жаль. И вот почему. Вообще-то, умница Ким увлекался не столько политикой, сколько самим Турчиновым. Вернее, его лицом. Вернее, не так. (О Господи!) Хобби Кима была антропология. Здесь и кроется объяснение – форма черепа изучаемых особей, разрез глаз, пропорции... и, конечно же, эмоциональный ряд. В случае с Александром Валентиновичем это было нечто! Дотошный исследователь Ким мог часами смаковать нюансы причудливой мимики своего любимца. В замедленно-поступательном режиме. С частыми стоп-кадрами и перемоткой назад.

И вот нате вам – эта противная Монтян, как дважды два доказывала, что теперь будет уже совсем скоро. А значит, коллекция уникальных гримас нынешнего секретаря СНБО Украины перестанет пополняться. Навсегда. Ким горячился, пытался спорить, но, если честно, не находил ни одного изъяна в логических построениях ушлой адвокатессы. И поэтому решил сжульничать. Протараторил какой-то сомнительный аргумент

и отключил звук. Чтобы не быть в очередной раз опровергнутым.

В какое-то мгновение он почувствовал что-то. Может быть, даже дыхание. Одним прыжком оказался рядом с дверью и распахнул ее настежь. Западонец схватился за ушибленный лоб и стал расспрашивать, как пройти к ближайшему «джэрэлу»*. Это в начале-то двенадцатого ночи! (Хорошо еще, что не в библиотеку.) Ким холодно объяснил.

Любопытный арендатор пятился к лестнице и лепетал что-то вроде «Водычки холодной ество прагнэ. Писля, хэ-хэ, вчорашнього...» Но смотрел все так же пылливо. Нехорошо смотрел. И Ким понял, что пора собираться. На этот раз раньше обычного.

Здесь следует упомянуть об одной странности нашего героя. Даже не странности, а так, чудачестве. Он хотел, чтобы все вокруг оставалось таким, каким было при родителях. Мебель, книги, портьеры, жизненный уклад – все. Вплоть до радиолы и телеприёмника «Зная» в дальней комнате. Трудно представить, что ему приходилось выдерживать от алчущих перемен жен. Ким не поддавался ни одной, в том числе и самой любимой. Мягкий и уступчивый во всем прочем, он становился сама непреклонность, если речь, например, заходила о необходимости перебраться загромождающие антресоли пыльные подшивки маминой «Работницы». И без слов разбивал о стену, приготовленный для святотатства табурет. Одним ударом. Табурет, разумеется, входил в приданое покусившейся.

Одна из жен, то ли четвертая, то ли пятая, вообще поплатилась разводом за то, что в отсутствие Кима

выбросила старые отцовские шахматы, в которых и так не хватало половины пешек и обоих ферзей.

Он и квартиру на Ию переписал с неким условием – нетрудно догадаться, с каким.

Но главным проявлением этой странной ностальгии были ежегодные поездки на море. В Сочи. Вернее, чуть-чуть не доезжая. В один и тот же дом отдыха. Естественно, ведомственный – отец значился далеко не последним (так он шутил) человеком в космосе. Точнее, в аэрокосмической отрасли. Еще той страны. Или лучше сказать той еще? Неважно. Мама работала у него референтом и периодически, под настроение, чуть-чуть ревновала. Не к другим женщинам, нет – здесь она была вне конкуренции, бери выше – к самому космосу. Надо сказать, небезосновательно – отец иногда начинал лихорадочно записывать что-то в блокнот, например, в опере. Со стороны казалось, будто он конспектирует арию. Мама краснела и, не поворачивая головы, толкала папу локтем. Папа недовольно отмахивался, а потом спохватывался и извинялся.

Но когда наступало время отпусков, космос ослаблял свою хватку и уступал папу маме. Безраздельно. До поры, разумеется.

Кима стали брать с собой, едва ему исполнилось пять. Сначала ездили летом, а потом, когда у мамы возникли проблемы со щитовидной железой, переориентировались на «мертвый сезон». Одноклассники сгорали от зависти.

Так продолжались ровно пятьдесят лет. Распад Союза никак не повлиял на установленную традицию. «Подумаешь, распад. И не такие распады видали», – одна из папиных шуток того времени. Выход родителей на пенсию тоже ничего

* Джерело – родник (укр.).

не изменил. Они могли себе позволить и к тому же, несмотря ни на что, оставались дорогими гостями. Независимо от наплыва отдыхающих и кадровых изменений среди администрации пансионата. Время от времени их компанию разбавляла какая-нибудь из очередных жен Кима. Отцу это нравилось, маме не очень. Но в основном путешествовали втроем.

А потом родителей не стало. С разницей в один день.

В тот год они вернулись за неделю до окончания указанного в путевках срока. Московские театры баловали Киев все реже, и мама никак не могла пропустить гастроли «Современника». Тем более что организаторы обещали Неелову. В купе только и было разговоров. Мама пребывала в нетерпении и сетовала на то, что отменили авиарейс из Адлера. И добивалась от отца – почему. Отец отвечал, что сам не понимает. И что звонил знакомому высокому чину в Киеве, а чин мямлил какую-то чепуху о нерентабельности, но в то же время хвастал открытием нескольких новых рейсов в Грузию. В Кутаис, в частности.

Рассказывая, отец посмеивался и не скупился на иронические комментарии, иногда просто уморительные. В конце концов, мама кончила переживать и расхохоталась. Не говоря уже о Киме. Они веселились от души. Тогда все это еще казалось забавным....

Неелова не приехала. Но им все равно понравилось. По дороге домой, в такси, Ким смотрел на родителей в зеркало. Они держались за руки и наперебой в сотый раз вспоминали ту старую историю с букетом. Он помнил ее. Вплоть до названия маминых духов. Но все равно жадно слушал.

Гастролировали вахтанговцы. В первый день давали «Турандот». Когда артисты вышли на поклон, мама в сногшибательном вечернем платье и не менее импозантный папа по разным проходам устремились к сцене. Мама несла алые розы, отец – белые. Мама без приключений преподнесла свой букет Гриценко. А отец в последнюю секунду развернулся на девяносто градусов и подарил розы маме. Оставив в некотором недоумении великолепную Юлию Борисову. Партер неистовствовал. При этом толика аплодисментов, особенно женских, безусловно, предназначалась папе.

В машине было весело, тепло и уютно. Таксист – и тот улыбался.

А ночью отец умер. Наутро мама сделала необходимые распоряжения, привела в порядок кое-какие рабочие бумаги и прилегла отдохнуть. И тоже умерла. Отправилась опекать своего совершенно безалаберного в обращении с документами мужа в этом его несносном космосе. Оба ушли во сне.

В следующем году Ким поехал один. И в следующем. И так много лет, невзирая на претензии и обиды многочисленных жен. А потом с Ией. А потом, когда родилась Лидочка, снова один. Ия просила не оставлять ее, но он не смог. Возможно, тогда все и разладилось. Хотя он честно пытался ей объяснить.

Дело заключалось вот в чем. Несмотря на все ухищрения Кима, здесь, в Киеве, память о родителях с каждым годом бледнела и улетучивалась. А там, чуть-чуть не доезжая Сочи, каким-то непостижимым образом все оставалось без изменений. Стоило закрыть глаза, захотеть – и рядом возникал отец, который учит его, маленького и ушастого,

нырять под волну. А потом ведет по пальмовой аллее в приткнувшийся на самом краю утеса довоенный еще тир. А вечером, перед началом сеанса в летнем кинотеатре, солидным, взрослым тоном советует не обращать внимания на колкости и приставания противных местных девчонок. «Это не так уж плохо, старик. Со временем сам поймешь, почему. Пока же просто поверь на слово». И вдруг озорно подмигивает маме. А мама в ужасе бьет его по руке и делает страшные глаза. Но потом не выдерживает и тоже улыбается. Немного в сторону, слегка прикусив краешек губы.

Киму не требовалось никаких усилий, чтобы родные лица сделались почти осязаемыми. В любое время, в любом месте. Но только там, не доезжая Сочи. Мистика. А может, и нет. Может, секрет заключался в южных, кружащих голову, вязких густых запахах. А что? Использовали же инки (или ацтеки) обонятельные ассоциации в качестве фотографий. Впрочем, Ким не особо задумывался о причине. Следствия было вполне достаточно.

И он ездил. Каждый год. В один из летних месяцев. А позапрошлой зимой пришла пора и ему познакомиться с эндокринологом. Генетика иногда преподносит не только приятные сюрпризы. Врач среди прочего категорически запретил солнце. Ким пожал плечами и сдвинул график. Как в добрые старые времена.

Но теперь, глядя изо дня в день в рыбы глаза квартиранта и через силу отвечая на его опасно-подобострастную улыбку, Ким, как уже было сказано, решил поторопиться. И отправиться к морю раньше обычного – была первая половина октября.

Не то чтобы он боялся, а если и

боялся, то не квартиранта, а себя. В общем-то миролюбивому Киму уже два раза снилось, как он берет это неприятное существо в двойной нельсон и ломает ему шею.

За день до отъезда он вызвал Ию. Накануне шли дожди, и они собрали много грибов. У Лидочки оказались самые красивые – все сплошь мухоморы. Мухоморы подарили грустному дяде-преферансисту на полупустом пляже. Чтобы не расстраивался так уж из-за какого-то несчастного мизера. Остальное – часть зажарили и съели с черным хлебом, часть перемыли и, по Лидочкиному требованию, угостили жильцов. Заодно Ким представил Ию в качестве своей поверенной. Про Сочи говорить не стал. Наврал, что уезжает в Одессу. А потом, возможно, в Тбилиси. По нынешним патриотическим временам это была нелишняя предосторожность.

Вечером следующего дня, уже услышав сигнал такси, он решил все-таки попрощаться. Из вежливости. Запер замки, подхватил рюкзак и сбежал вниз по лестнице. В выставленном за порог ведре для мусора лежали вчерашние опята. Ким хмыкнул. Потом пробормотал одну из отцовских максим – «обидеть может только равный» – и не стал стучать. Прощания не получилось.

Квартирант наблюдал сверху, из-за оконной занавески. Когда машина отъехала, он пробормотал что-то вроде: «А щоб ты там втопився, в тий Одэси, сэпаратюга»*. Чуть постоял, почесал мохнатое пузо, и, нехорошо улыбнувшись, до-

* Сэпаратюга – плохой человек. А также любой житель незалежной, имеющий наглость не радоваться обязательному преподаванию всех предметов в каждом учебном заведении исключительно на украинском языке. Для справки: 95% эпитафий на киевских кладбищах выполнено по-русски.

бавил: «Або згорив». После чего побрел дописывать под коньячок «Технологію взаємодії окремих підрозділів Київської регіональної митниці»*.

Уф, всё! Прошу прощения за некоторый сумбур в изложении. (Спешу выговориться – мне тоже слишком долго приходится молчать.) И кстати. Всё – это вовсе не конец. Не радуйтесь. Это просто возможность наконец-то вернуться в поезд. Тут, собственно, и начинается самое главное – и, смею надеяться, интересное.

Женщины вышли под утро. Вещей у них практически не было, поэтому попрощались в купе. Ким удивился своему недавнему красноречию, разобрал постель, принял «ночной» или, скорее, уже «дневной колпак» – в виде остатков «Двина» – и завалился спать.

«Прокынувшись, весь трусывся – за сэрцэ ссало мов глысты...»** – да, лучше Котляревского не скажешь. Понимал Иван Петрович в похмелье. Как никто. Ким тер ладонями лицо, пытаясь взбодриться. Получалось не очень. Метаболизм метаболизмом, а почти пол-литра коньяку – в его возрасте далеко не шутка. Да еще какая-то слабо припоминаемая наливка сверху.

В этот момент дверь купе поползла в сторону, и внутрь, едва не запнувшись о скомканную красно-зеленую дорожку, втиснулась новая попутчица. Эта, казалось, вся состоит из багажа. Она была обвешана им с обеих сторон и походила на заблудившегося, не в меру запасливого парашютиста. Только вместо шлема – цветастая хустка. Ким помог растолкать по углам

бесчисленные баулы, извинился и побрел вдоль прохода умываться. Покачиваясь в такт движению. И просто покачиваясь.

Когда он вернулся, женщина сидела у окна. Ким еще раз кивнул, присел напротив и открыл электронную книжку. Через некоторое время выяснилось, что почитать не удастся. Соседка ерзала на жестком сиденье, внезапно, как будто что-то потеряв, заглядывала под столик, искусственно кашляла, в общем, изо всех сил старалась привлечь внимание. По всему было видно, что ее гложет какая-то тайна. И немолимо рвется наружу. Женщина нет-нет да и поглядывала на Кима в ожидании хоть каких-нибудь вопросов. С робкой надеждой и едва ли не с мольбой. Но Ким делал вид, что ничего не замечает – интуитивно предчувствуя неладное. И не ошибся.

Еще некоторое время соседка крепилась. Кульминацией внутренней борьбы стала попытка сдержать стремящиеся на свободу слова судорожно прижатые ко рту ладонями. Это помогло секунд на пять. А потом женщину прорвало. Не представляясь и без каких бы то ни было предисловий и знаков препинания, она вывалила на Кима все. Что перебралась из плацкартного, потому что сведушие люди просветили – в купе меньше шумают. Что пришлось дать взятку этой сволочи проводнику, но чего не сделаешь ради сынки. (Она ж к сынке едет, в Ростов.) Что он сейчас там на заработках, и у него нет регистрации, но это секрет. А она везет своему малышу гостинец в виде двадцати четырех литров самогона собственного приготовления, и это еще больший секрет. Потому что можно только литр, и

* Митница – таможня (укр.).

** Иван Котляревский, «Енеїда».

то водки, а у нее – двадцать четыре и самогон. Но лакомка сын просил много, а как она может не побаловать, не уважить кровинушку, ведь он у нее один. И что еще у нее есть домашние пирожки, кило конфет «Южная ночь», ну и так по мелочи – несколько блоков «Примы», барбариски и два батона когда-то сводившей сынку с ума Кременчугской докторской колбасы. Один из которых как-то странно пахнет (вот, пожалуйста, Ким сам может убедиться), и поэтому не хочет ли он разделить с нею трапезу. Чтоб не испортилось. А если нет, то не мог бы он оказать ей, пожилой женщине, услугу и переложить покамест к себе вот эту литровую банку и еще эти три грелки?

Банку Ким, скрепя сердце, принял, а от остального категорически отказался. После этого словесный поток не то чтобы иссяк, скорее, сделался менее хаотичным – утерял первородный напор. Но осмысленности, увы, так и не приобрел. Напротив – секунду передохнув, заботливая мать практически без перехода принялась восхвалять мудрость и прозорливость нынешнего руководства Днепропетровской области. Которое смогло устроить так, что Днепропетровск не бомбят (?). И в нем не грабят. Вернее, грабят, но не чаще прежнего. И вообще, не то, что у других. Под другими подразумевался, в частности, Ким. Это следовало из жалостливых взглядов, сопровождавших настойчивые попытки всучить ему липкую барбариску.

Потом неугомная попутчица перешла к обзору цен на местных рынках. Судя по ликующим модуляциям в голосе и периодическим характерным движениям бровями, дескать «да, да, вы не ослышались»,

цены были беспрецедентно низкими. В какой-то момент она спохватилась, решив, очевидно, проявить больше такта по отношению к не познавшему счастье благоденствовать в Днепропетровске соотечественнику. И дальше уже говорила значительно тише и даже чуточку виновато, как будто стесняясь своей столь нарочитой успешности. Но все равно с тщательно скрываемым превосходством. В подобном тоне, наверное, сто лет назад в поезде Бомбей – Калькутта какой-нибудь английский джентльмен рассказывал о преимуществах жизни в метрополии.

Так они доехали до самой границы. Ким в конце концов взял-таки чертову барбариску, незаметно бросил под ноги и задремал. Потом поезд стал тормозить. Их качнуло вперед. Вагон еще несколько раз дернулся и остановился.

И была таможня.

Какое-то время ничего не происходило. Затем в голове состава возникли гам, лягз, невнятные команды и время от времени перекрывающий все это душераздирающий гинений хохот. «О Господи, началось», – пробормотали из-за стенки купе. Тетка, забившись в свой угол, истово молилась. Остальные немногочисленные пассажиры пребывали в состоянии тихой паники.

Кима не оставляло ощущение дежавю. Что-то подобное он уже видел. Точно. «Свой среди чужих...» – культовая сцена ограбления поезда. Не хватало только есаула Брылова. Впрочем, вскоре он появился. Причем в трех экземплярах... Все трое были усаты, кудрявы и загорелы. В камуфляже, без знаков различия, зато с автоматами. Не разберешь – пограницы или таможня. Ким удивился – за

все предшествующие годы ничего подобного он не видел. Войдя в купе и заведя обилие торб, все трое, опять же по-михалковски, заулыбались. Разве что не сняли шляпы. У самого высокого, очевидно старшего, зубы, оба ряда, оказались сплошь золотыми. Он и попросил документы. У Кима. Соседку, видимо, решили оставить на закуску. Помимо прочего, Ким предъявил свои сохраненные когда-то на память «корочки». Это, как всегда, произвело впечатление – в отставку он вышел в чине генерал-майора милиции. «Брыловы» подобрались и вежливо откозыряли. Попутчица, тут же сориентировавшись, немедленно назвалась Кимовой родственницей. Тетей. Старший хмыкнул и вопросительно взглянул на Кима. Ким обречено кивнул.

В этот момент в проеме двери возник проводник. Он сунул лоснящуюся рожу внутрь и весело осклабился. Демонстрируя не меньшее количество золота, чем давеча старший. Даже большее, с учетом ширины улыбки. А в остальном – один в один, очевидно, оба ходили к одному дантисту, который, возможно, и посоветовал каждому такой вот оригинальный способ вложения денег. Едва заметив вошедшего, «Брыловы» замерли в охотничьей стойке. Тот со значением указал глазами на огромный черный кофр у себя в руках, развернулся и с перекошенным от натуги плечом засеменял по направлению к тамбуру. Троица, тут же утратив интерес ко всему окружающему, гуськом двинулись следом. Словно крысы за играющим на дудочке Нильсом. Однозначно, этим парням было о чем поговорить. На прощание один из военных скорее для приличия мельком взглянул

в поданный соседкой паспорт и с треском задвинул за собой дверь. А еще через несколько минут со стороны служебного купе раздался тот самый душераздирающий смех. Судя по всему, беседа проходила в теплой, дружественной обстановке. Бабка вздрогнула и перекрестилась. Ким решительно щелкнул дверным упором.

Больше их не тревожили. В ожидании отправки Ким от нечего делать стал смотреть в окно. Там происходило кое-что интересное.

На бегущем вдоль полосы отчуждения бетонном заборе красовались аршинная черно-красная надпись. Она гласила: «ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ! БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ПОКИДАЯ ТЕРРИТОРИЮ РЕЙХА, ПОМНИТЕ – ЗДЕСЬ ОСТАЮТСЯ ВАШИ БЛИЗКИЕ. НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЕРНУТЬСЯ. Я БУДУ ЖДАТЬ». И чуть ниже, с небольшим интервалом: «Всегда Ваш, Президент Порошенко». Слово «всегда» было жирно подчеркнуто.

Команда в оранжевых безрукавках усилена работала щетками. Из всех сил борясь с «ДОРОГИЕ». Понаблюдав несколько минут, Ким задумчиво пробормотал: «Вообще то, разумнее было бы начать с Порошенка. Тетка тоже ткнулась в раму и, указав пальцем, деловито спросила: «Отам?» Слегка поморщившись, Ким все же ответил: «Лучше в Киеве». И погрузился в чтение. Соседка еще минут пять улыбалась, а потом, когда до нее дошел смысл сказанного, поджала губы. Видимо, обиделась за своего шоколадного фюрера.

Между тем поезд тронулся и начал было набирать ход. Но вскоре снова остановился. Российская сторона не свирепствовала. Проверили документы и вежливо поинтересовались, не везет ли кто-нибудь

недозволенное. Соседка в притворном ужасе замахала руками: «Ни Боже мой!» Затем умоляюще покосилась на Кима и передоверила дальнейшие формальности своему племяннику. Ким только развел руками. Впрочем, все обошлось.

Растроганная бабка рассыпалась в благодарностях вплоть до Ростова. Даже всплакнула. Чтобы хоть как-нибудь снизить драматический накал, Ким, так уж и быть, съел одну барбариску. Но к колбасе все равно не притронулся. Несмотря ни на какие увещевания.

В Ростове в купе вломился влажный от похмельной испарины сынка. Он дико поводил глазами и, не веря своему счастью, спросил почему-то у Кима: «Привезла?» Затем, не дожидаясь ответа, сгреб большую часть скарба и прогало-пировал к выходу. Кудачущая от умиления мамаша устремилась следом. Но тут же вернулась, торопливо цапнула вверенную Кимовым заботам банку и наконец-таки избавила его от своего более чем восьмичасового общества. Дальше Ким путешествовал один. Книга разрядилась, и большую часть времени он посвящал созерцанию проносящихся мимо пейзажей. А также отдыхал от избытка общения. Только уже на подъезде к Лазаревскому в ответ на сверкающую на солнце улыбку проводника отвлекся и доверительно произнес: «От самой границы ни одной тебе желто-блакитной скамейки. Даже как-то не верится». Проводник одобрительно подмигнул и отправился дальше собирать белье.

А еще через полчаса Ким приехал. Небольшой, утопающий в зелени перрон находился прямо на территории пансионата. В самой нижней его части, над пляжем. Стоянка поезда исчислялась одной

минутой. Но Ким привык. Он соскочил с подножки едва ли не на ходу. И приступил к отдыху.

Все было замечательно. Как обычно. За исключением парочки мелочей – ими оказались солнце (жара стояла невыносимая) и популярность.

И если с солнцем жаворонку Киму еще удавалось кое-как разминуться, то с поклонниками этот номер не проходил. Каким образом отдыхающая общественность узнала о том, что он киевлянин, оставалось загадкой. Но его ждали. Утром, днем и вечером. На пляже, в летнем театре, рядом со столовой – везде. Временами Ким казался себе какой-нибудь эмигрировавшей из гитлеровской Германии Марлен Дитрих. Или нет – скорее, Ремарком. Отцы семейств считали за долг с ним выпить. С целью ободрить. Тем более что это был тот редкий случай, когда их жены не возражали. Повод защитывался как безусловно благовидный.

Ну, с мужиками еще ладно, куда ни шло. Дамы же в абсолютном своем большинстве стремились его опекать, а некоторые еще и подкармливать. По возможности с руки. И каждый (каждый!) нагружал Кима разговорами о политике, от которой его, по правде сказать, уже воротило. Но врожденная деликатность не позволяла вот так вот взять – и признаться, что плевать он хотел на то, что станет с государственным устройством Украины, и будет ли оно как таковое. Поэтому пришлось научиться изображать радостное узнавание собеседника(цы) и живейшую заинтересованность подробностями очередного демарша госсекретаря Керри, а в определенный момент, подыскав благовидный предлог, бы-

стро скрываться в одной из бесчисленных боковых аллей. (Ким знал топонимику дома отдыха лучше, чем многие аборигены из местного персонала.) Массовых мероприятий он попросту избегал. А на пляж ходил вечером, после одиннадцати. И то пришлось однажды спастись бегством от любителей ночного купания, жаждущих обсудить очередное резонансное ток-шоу эlegantнейшего Романа Бабаяна.

Но через неделю все улеглось. В конце концов к Киму привыкли и оставили его в покое. А кроме того, в новом корпусе поселились приехавшие работать за еду когда-то популярные, а ныне вышедшие в тираж артисты. И внимание публики переключилось на них. Слава так непостоянна... и изменчива... Впрочем, Кима это более чем устраивало. Артистов тоже – они ходили гоголем и в кои веки с наслаждением раздавали автографы.

Ким в благодарность даже посетил один из концертов в летнем театре. Ему понравилось. Не столько программа, сколько ее ностальгическая атмосфера. Эти люди на сцене выглядели такими трогательными в стремлении притвориться самими собой в лучшие, былые дни... И слегка неприкаянными – как будто заблудились во времени. Очень мило выглядели. За исключением пародиста Михаила Грушевского. Пародист показался Киму циником и выжигой, поскольку впаривал зрителям свет давно погасшей звезды. Исключительно. То есть эксплуатировал образ пусть нелепой, но все же достаточно трагической фигуры – первого и единственного президента страны, в которой Киму было хорошо. Во всяком случае, до этого президента.

Несмотря на отсутствие апло-

дисментов, беспринципный пересмешник дважды вальяжно выходил «на бис» – по личной инициативе. И продолжал паразитировать на своем недалеком тезке. Совершенно не смущаясь тем, что младшее поколение вообще не понимало, кого он, собственно, изображает.

Вот это нервировало. А в целом понравилось.

...Наконец-то предоставленный сам себе, Ким много гулял по территории. Старался держаться в тени. В обоих смыслах. Два раза в неделю посещал тир. Тот самый, обновленный, но вполне узнаваемый. Играл в огромные, в пол человеческого роста шахматы на специально расчерченной площадке. Иногда, отойдя на положенное расстояние, набрасывал резиновые кольца на торчащие из полусгнивших деревянных щитов основательно проржавевшие штыри. Чтобы никто не видел. Такое, советское еще, подобие серсо. Мама всегда выигрывала.

Электронная книжка до поры была забыта. В библиотеке с прошлых лет сохранялась его карточка. Там ждали пахнувшие так же, как и тридцать лет назад, Твен и Катаев. Их следовало читать в уютной, опутанной розовыми кустами беседке. Беседка находилась в самой глубине парка, и о ней мало кто знал. Давным-давно они с родителями и с какой-то из первых жен случайно наткнулись на это сотканное из деревянных кружев чудо. И то, потому что была зима. (В тот год отца долго не отпускали, и пришлось выехать много позже.) И был снег – для Сочи большая редкость. Чудеса начались еще по дороге из аэропорта. Где-то в районе Дагомыса встретившую их служебную «Волгу» обогнал груженный ман-

даринами, надсадно завывающий, разболтанный грузовик. А еще через пару километров они увидели его лежащим на борту поперек обледеневшего серпантина. Водитель, слава Богу, не пострадал. Он бегал вокруг, хватался за голову и причитал по-армянски. А ниже в девственно белый, сверкающий на солнце альпийский склон были вкраплены россыпи ярко-оранжевых мандаринов. «Прелесть какая, настоящий сюр... Прямо Дали, да, Кимушка?» – заморожено пробормотала тогдашняя супруга. Мама украдкой закатила глаза и покосилась на папу. Папа тоже исподтишка быстро показал маме язык. Потом подмигнул Киму. Он видел, что тот смотрит в зеркало. Ким всегда ездил спереди.

Это случилось на третий или четвертый день... Они гуляли после обеда. Жена, взяв отца под руку, живописала ему всякие страсти из области эзотерики. Отец изо всех старался сохранять серьезность. Удивленно качал головой, озадаченно кричал и время от времени с энтузиазмом поддакивал. Впрочем, не всегда к месту. Мама, чтобы не слышать этого всего, ушла далеко вперед. Ким, наоборот, отстал. Он с удовольствием вслушивался в скрип снега под тяжелыми рифлеными подошвами и размышлял о перспективах по делу магазина «Океан». Там, в Киеве.

Всегдашнее субтропическое буйство было сплошь сковано игольчатой поволокой инея. И только поэтому мама заметила алые проблески в нанесенном неподалеку казалась бы сугробе. А подойдя ближе, рассмотрела карабкающееся по ажурной решетке шипастое сплетенье множества тронутых изморозью розовых бутонов.

Они какое-то время молчали. Даже жена. А после вошли внутрь и не сговариваясь поняли, где теперь будет их тайное место.

А еще Ким навещал дедушку Амбарцума. Одного из немногих, кто помнил еще его родителей. Раньше дедушка Амбарцум был местным киномехаником. А теперь на льготных условиях квартировал в одном из уютных служебных флигелей – как ветеран труда и кладезь домотдыховского фольклора. Лет десять назад, собираясь на пенсию, старик не стал готовить себе замену. Он понимал, к чему все идет. С появлением новейших медиатехнологий его ремесло умерло – пришедший в полный упадок, открытый всем ветрам кинотеатр медленно, но верно зарастал плющом и лавандой. Вместе с прилегающей к нему танцплощадкой, на которой мама с папой много лет назад лихо, под восторженный гик и свист зрителей, отплясывали самую настоящую джигу. Они научились на международном симпозиуме по космическим исследованиям. В Эдинбурге. Или Дублине? Впрочем, неважно.

Так вот, о дедушке Амбарцуме. Жизнерадостный пенсионер не отчаивался. В свое время ему каким-то чудом удалось сначала переперереть на VHS, а после оцифровать добрую половину из того, что долгие годы составляло смысл его существования. Фильмокопии. И теперь восьмидесятисемилетний киноман устраивал приемы. По вторникам. Да и по другим дням тоже – угощая дорогих гостей молодым вином и старыми, как правило хорошо забытыми, лентами. Странноватые шедевры Карела Земана, «Встреча на Эльбе», Фернандель, похождения обаятель-

ного комиссара Миклована – чего только не показывал огромный плазменный экран в уютном домике за теннисным кортом. С вечера и до глубокой ночи. А для избранных, в число которых входил и Ким, всегда было припасено нечто совсем уж раритетное. «Не промахнись, Асунта», например. Или «Дело № 306». И что-нибудь еще, эдакое, французское. Дублированное при участии Артема Карапетяна или великого Кенигсона. Услышав, чей голос из своих уст в «Фантомасе», обалдел и пришел в неизмеримый восторг сам Луи де Фюнес... если верить дедушке Амбарцуму.

Днем вместо моря Ким подолгу пропадал в лежащей неподалеку реликтовой роще. Он очень любил это место. Наверное, потому что и сам был... в некотором роде... Н-да.

Два раза, подгадав с дождливыми днями, Ким выбирался в Сочи. Но выбрался только единожды.

Ехать приходилось из Лоо – на «ведомственном» пансионатском перроне останавливались только отдельные поезда дальнего следования. В первый раз случился забавный казус. В положенное время Ким с билетом и сонный ожидал нужный ему Туапсе – Адлер. Электричка прибыла точно по расписанию. Машинист сделал остановку, но забыл открыть двери. Постоял положенные две минуты, дисциплинированно предупредил гудком о начале движения и тронулся в путь. Столпившиеся в тамбурах, так и не вышедшие пассажиры зачарованно провожали взглядами беснующихся на платформе товарищей по несчастью.

Ким тоже был несколько ошарашен. Но потом развеселился, сдал билет и решил побродить по пустынному из-за дождя Лоо.

Он шлепал по лужам нагретыми вьетнамками, искренне радуясь узнаванию всего окружающего. И с восторгом в очередной раз убеждался – здесь и вправду ничего не меняется. Никогда. Только Киркоров на афишных тумбах с каждым годом все мордастее. Ну и пусть его. Зато сами тумбы те же, что и в детстве.

Поездка в Сочи все же состоялась. В другой день. Там, наоборот, перемены буквально резали глаз – повсюду кипела стройка. Поэтому он не стал задерживаться. Первым делом зашел на городской рынок – похожий на киевскую Бессарабку, но со своим кавказским, специфически пряным колоритом. Накупив разных вкусовостей, традиционно сфотографировался у утопающего в хвое, как будто перенесенного из Таллинна домика с флюгерами. По адресу... А впрочем, это секрет. Ну и проведал еще несколько значимых для их семьи мест. И сразу домой. Обратное, на нужное расстояние. Никаких парков «Ривьера» и набережных.

Отдых задался. Дни проходили, чуть было не написал один лучше другого. Нет! Одинаково. Однообразно. И не проходили, а тянулись. Подолгу. И были именно такие, как надо – ленивые, легкие, до краев наполненные приятными воспоминаниями.

С приближением ноября количество отпускников таяло, солнце все больше охладевало ко всем и всему, и Ким даже решился сделать несколько достаточно длительных послеобеденных вылазок на пляж. Но все равно оставался неприлично белым.

Где-то на третьей неделе Кима угораздило-таки нарушить свой це-либат. Это произошло неожиданно,

можно даже сказать спонтанно – во время очередного сеанса лечебного массажа воротниковой зоны. Ничто не предвещало беды. Сеанс подходил к концу. И вдруг! Обычный размеренный ход мыслей был прерван неким, не то чтобы дискомфортом, скорее, наоборот. Ким буквально задохнулся, почувствовав пальцы массажистки много ниже показанной к растиранию области. Много ниже. Он удивленно перевернулся на спину... И не смог устоять. Слишком уж соблазнительно выглядели едва сдерживаемые возмутительно коротким халатиком прелести бесстыдницы – еще более загорелые на белоснежно накрахмаленном фоне. А тут еще эта яркая помада. И плотоядно-порочная улыбка. Короче, Ким сдался. Впрочем, его особо и не спрашивали, изящно взгромождаясь сверху.

Сеанс затянулся минут на сорок. Несмотря на предпринятые старания, Киму не удалось заглушить всё – к тому времени, когда он, слегка пошатываясь, вышел из кабинета, очередь изрядно уменьшилась. Что и не удивительно – далеко не каждый готов отдать себя в руки специалистки, работающей настолько м-м-м... самозабвенно. Особенно с учетом того, что на подобные процедуры записываются, как правило, пенсионеры.

Очарованный изобретательностью бедовой медсестры, Ким размышлял о случившемся весь день. И чуть было не решился на молниеносный курортный роман – ну его, в самом деле, этот дурацкий одноразовый принцип. Но рассудив здраво, все же нашел в себе силы обуздать похоть – времени осталось немного, и тратить его на секс или, не дай Бог, отношения, даже самые скоротечные, было бы

непростительной роскошью. Рассудив так, он облегченно вздохнул и на следующее утро не пошел на процедуры... и на следующее. И вообще. Как обычно – по давно отработанной схеме, так разозлившей в апреле ту черную вдову.

А через неделю они столкнулись лицом к лицу у столовой. Эта дрянь его не узнала! Вернее, узнала, даже улыбнулась чему-то своему, лукаво стрельнув глазами. Но сделала вид.

И быстро прошла мимо – соплячка такая. Лет тридцать, не больше. Сказать, что Ким был уязвлен, – ничего не сказать. Да, он предпочитал одиночество. Особенно с учетом того, что после расставания с Ией, ничего другого не оставалось. И не хотелось. Но решать должен был он, Ким. А не какая-то провинциальная Мессалина... Небось, еще и замужем. Куда катится этот мир?

В общем, Ким испытал самое сильное потрясение за все время пребывания в пансионате. И собственнo единственное. Он даже плохо спал. Опять же, одну ночь.

А дальше все снова пошло замечательно. Оставшееся время текло как положено медленно, не оставляя в памяти ни одного события из беззаботной курортной рутины. Что от него и требовалось – ведь память была заполнена другим, более важным.

И наконец, настал последний день. Ким с утра сбегал на море, чтобы бросить монеты на счастье. У него для такого случая было заготовлено раритетное, советское еще серебро – по пятнадцати и двадцати копеек. На обратном пути заскочил к дедушке Амбарцуму, а от него в парк. Там, в глубине, в самых дебрях, на пьедестале покоился подаренный когда-то чуть ли не Гагариным аспидно-черный

метеорит. С залетным артефактом тоже следовало попрощаться. В соответствии с издавна заведенным ритуалом – прижаться лбом к его всегда холодной поверхности и попросить позволения приехать еще.

Потом Ким сдавал номер, укладывал вещи и все такое. И чуть было не забыл подарки для Лидочки – купленную в «Уральских самоцветах» на улице Роз малахитовую шкатулку и громадную звездчатую раковину.

За полчаса до поезда он был на перроне.

Но тут выяснилось, что в связи с известными событиями на Украине (Ким всегда говорил грамотно – «на» Украине – и не видел причин переучиваться). Так вот. В связи с активизацией военных действий на Украине расписание изменилось. И поезд теперь идет по какому-то мудреному окольному маршруту. И не тридцать с чем-то часов, а ровно двое суток – если повезет и не будет задержек в пути. И, самое главное, отбывает не сейчас, а вечером. Киму ничего не оставалось, как ждать. Не возвращаться же в корпус. Возвращаться – дурной знак. Так утверждал отец. Он, подобно Нильсу Бору, не верил в приметы, но свято им следовал. На всякий случай.

Море штормило, и Ким большую часть времени провел в тире. Надо сказать, не без пользы. Настрелявшись всласть, выиграл для Лидочки приз – симпатичного фиолетового страуса-эму из мягкого плюша. Уже на улице обнаружилось, что страус в районе клюва слегка запачкан оружейной смазкой. Поэтому Ким не положил игрушку в рюкзак. Так и держал в руках до самой посадки.

Вагон оказался практически пуст. Из всех пассажиров – Ким да

через одно купе какой-то, как нынче принято выражаться, ботаник. Таких еще раньше называли шляпами. Толстенные стекла очков, залысины, затравленный взгляд, в общем, классика. Когда Ким устраивался, ботаник как бы невзначай прошел мимо, конспиративно косясь в его сторону. Заметив же, что разоблачен, бросился к себе и закрылся изнутри. И не выходил до самой границы.

Кима это устраивало. Он вытащил основательно подзаряженную книжку и погрузился в притягательно-мрачный мир Эдгара Аллана По. А потом и в сон. Снился пародист Грушевский, оказавшийся косвенно причастным к убийству на улице Морг.

Они ехали долго. Очень долго. Причем совершенно определенно – несколько раз в разные стороны. Никто не входил и тем более не выходил. За окнами почти без перерыва моросил несильный, монотонный дождь. От всего этого Ким в конце концов впал в легкий мистицизм. Поезд стал казаться призрачным порождением некоего потустороннего министерства путей сообщения. Обреченным из-за гордыни бригадира вечно скитаться вдоль сходящихся у горизонта магистральных линий. Таким железнодорожным «Летучим голландцем», свидание с которым не несет ничего хорошего. Особенно встречным составам.

Путешествие длилось более суток. Приключения хитроумного Огюста Дюпена давно кончились, а они все колесили и колесили. И остановились уже на украинской территории. Кажется, в Купянске. Впрочем, может, я ошибаюсь.

В коридоре во второй раз за всю дорогу появилась неприветливая,

расхристанная со сна проводница. Закрыла туалеты и собралась было вернуться досыпать. Но внезапно остановилась, пристально вглядываясь в окно. Затем в сердцах коротко матюкнулась и произнесла малопонятное: «Национальна гвардия... Готуйтэся. И цэй... Бэрэжы вас Господь».

Здесь стоит дать короткое разъяснение. Относительно этой самой «Национальной гвардии». Чтобы не дезориентировать какого-нибудь француза, а то глядишь, и американца, буде те каким-то чудом (на свете много, друг Горацио...) прочтут это. Прочтут – и вообразят, что понимают, о чем идет речь.

Так вот. Действительно, и во Франции и в США, тоже есть Национальные гвардии. Вернее, просто есть.

Но «Национальна» гвардия Украины от них, как бы это сказать потактичнее, отличается. Чем? Всем. Чтобы не заморачиваться. Всем. Кроме названия.

Проверяющих снова оказалось трое. Одеты по-разбойничьи живописно. И у всех троих весьма интересные лица – в антропологическом смысле. При других обстоятельствах Ким попытался бы как-нибудь незаметно сфотографировать каждого, для коллекции. Но не сейчас.

Главный, наиболее subtilный из всех, в каракулевой папаше с прищандоренными в районе кокарды очками Ray ban, что-то сказал проводнице – походя, не поворачивая головы. Та чуть ли не щелкнула каблуками и испарилась.

Эксклюзивные национальные гвардейцы неспешно тронулись вдоль прохода. Первым зашли к ботанику. И стали его спрашивать по истории Украины. Голоса экза-

менаторов звучали по-учительски артикулировано, поэтому Ким все слышал.

Для начала шляпу озадачили казалось бы легким вопросиком насчет фамилии первого президента Украины. А когда тот, заглотив наживку, несмело предположил: «Леонид Кравчук?», ловушка сработала – неучу благодушно пока еще объяснили, что вовсе никакой не пидор Кравчук. А наоборот, Михаил Грушевский*. (Здесь Киму захотелось ущипнуть себя за руку – может, он еще спит?) Потом жертве было предложено исполнить государственный гимн. И сразу же после первых строк зазвучали протестующие возгласы: мол, не «щэ нэ вмэрла Украина», а «щэ нэ вмэрла Украины!» «Ни слава, ни воля». Баран!». Дальше последовала удрученная констатация в том плане, что ну нельзя же так, блядь, ни хера не знать. Спрашивать больше не имело смысла. С ботаником все было ясно.

Его невежество оценили в «двехсти баксадзэ», что вселяло определенный оптимизм – такой сумой Ким вполне располагал.

Но, как выяснилось, успокаивался он зря.

Только-только войдя в купе, визитеры все разом стали принохиваться. Энергично и жутковато, наподобие какой-нибудь мультипликационной нечисти. И, определив источник запаха (им оказался лежащий на верхней полке страус-эму), переглянулись и так же неприятно ощерились.

А дальше посыпались вопросы. Не о Грушевском, хотя тут Ким мог бы их удивить. О другом. Кто, что, откуда, куда. В принципе, стандарт-

* Такой, с бородой и в пенсне. Рулил Украиной в 1918... месяца три – потом пришлось тикать.

ная, в подобных обстоятельствах процедура. Если бы не матюки и характерная «шпанская» лексика.

Услышав про отдых в Сочи, subtilный заговорщицки понизил голос и поинтересовался насчет загара. Вернее, его отсутствия. А затем, не дожидаясь ответа, обманчиво дружелюбно попросил удостоверить личность.

В Кимовой голове вертелись какие-то обрывки из «Хмурого утра». Что-то там про жилистого Рощина, у которого в тесном купе было преимущество перед неповоротливым Лёвой Задовым. Интересно, что бы запел Алексей Николаич, окажись его герой в компании троих отморозков со взведенными АКСУ. Да еще и, судя по всему, наркоманов. Впрочем, когда-то ему приходилось иметь дело и не с такими. Не Толстому, разумеется, Киму.

Он еще раньше «срисовал» выбитые на пальцах у парней «масти»*, поэтому решил предъявить только паспорт и ничего больше. Но не тут-то было – второй из гвардейцев, зрочки которого не превышали размера булавочной головки, буквально выдрал из рук файл с аккуратно сложенными документами.

Как и следовало ожидать, на этот раз «корочки» не произвели желаемого эффекта. Точнее, эффект был, но обратный. Увидев красную книжечку, все трое разве что не залаяли. Деланное, слегка глумливое добродушие subtilного улетучилось без следа: «Слышь, ты, мусогина (он не выговаривал «р»), шо ты мне тут втигаешь за моге? Кой болт в ноябге моге? Колись, давай, куда ездил! А то,

сцуко, щас в натуге у Сочи отпгавишься – только не на поезде»*. В доказательство серьезности своих намерений он передернул затвор автомата. Внешне спокойный Ким приготовился нырнуть гаденьшу в ноги. Возможно, удастся прикрыться им в качестве щита. Для начала. А там как пойдет – тем двоим еще снимать с предохранителя, досылать патрон, можно успеть. Где-то на периферии сознания совсем некстати продолжало пульсировать полузабытое: «Я тебя буду пытать, ты будешь отвечать» и «Спрячь зубы, вирву!» Он отбросил лишние мысли, сконцентрировался и широко улыбнулся кому-то за спинами бандитов. Надеюсь заставить тех обернуться. И уже начал было вставать. Но везучий subtilный что-то почувствовал – отпрыгнув спиной к двери, выставил перед собой автомат: «Тихо, тихо, дядя, не гыпайся, хуже будет». Ким нехотя сел на место. Он продолжал улыбаться. Только улыбка теперь предназначалась непосредственно гостям. И была совсем не радостно-удивленной, а такой же, как тогда, во время патриотического экстаза квартиранта – презрительной. Притворяться больше не имело смысла.

В этот момент у subtilного затрещала рация. Он подмигнул Киму, дескать «никуда не уходи», и выскочил в вагонный коридор. Потом уже оттуда позвал товарищей: «Алё, пацаны, сюда идите, да? Тут Сема – насчет солягы, шо вчегда отцепили». Бандиты вышли. При этом один из них, не тот, со страшными зрочками, а другой – с землистым лицом и заторможенными рефлексами закоренелого героинового торчка, не глядя зацепил со столика

* Масти – статусные татуировки (воровское).

* Уехать в Сочи – погибнуть (бандитский сленг).

и меланхолично засунул за пазуху электронную книжку. Телефон и портмоне еще раньше прибрал subtilный.

Купе оставалось открытым, поэтому Ким мог слышать обрывки разговора сгрудившейся у туалета троицы. «...Молодых пгигнали. Надо быстго, а то весь налбуфин газметут, шакалы». Дальше невнятный шепот, а потом вновь голос subtilного: «...Я те вальну. Ты шкагы его видел? Тгиста баков, я в «Интегтопе» такие впагивал. И мобила, сатги, «Блэкбэгги». С собой возьму. Сёме подгоню, если шо. А вы ведите. За этого штгиха лавэ можно поднять немегено – бля буду, чуйка, в натуге». – «А если нет?» – это, скорее всего, вклинился страшноглазый (землистый в беседе не участвовал, отрешенно глядел в окно). «Шо «нет»? – subtilный начинал заводиться. «Ну, типа, нет у него никого. С кого получать?» – «Ну, если нет, тогда и гешим. Вегнее, погешим. Гы. Когоче, погнали. Сёма ждет».

Из вагона вышли вчетвером. Subtilный зашагал к зданию вокзала, двое остальных повели Кима вдоль свободной колеи в противоположную сторону.

Перспективы перед нашим героем открывались отнюдь не радужные. Он был не загорелым, и от него пахло ружейным маслом – здесь бросали в подвал и даже расстреливали и за меньшие преступления.

Но Киму сказочно (на то она и небыль) повезло. В третий раз с начала поездки. О двух первых разгах чуть позже. А пока об этом. Итак.

Конвоиров Кима звали Хруст и Куча. Куча, который пошустрее, со зрачками, может быть интересен только в той связи, что был последним, кто держал в руках Кимовы

документы. Ну и погремуха еще необычная (Куча чего?) А вот Хруст – другое дело. Он сыграл в судьбе Кима едва ли не решающую роль.

С вечера все складывалось замечательно. На станции Хруст столкнулся с кумом и тот повел его к себе в роту. И там пацаны дали Хрусту хапнуть целых три весла по-настоящему тяговой, перебитой в труху «соломы» – накануне они, бесы, надыбали неподалеку запущенную маковую плантаху. Хруста штырило, как когда-то. Метла мела, и они с кумом проговорили за полночь. Вспоминали родимый Жданов, девок с судоремонтного, и как батя Хруста ухрял на заработки и там по пьяни женился на якутке. А матушка ездила его забирать.

А когда Хруст под утро уже вернулся на базу, выяснилось страшное. Из потайного кармана его фартовой, еще с майдана, «кенгурушки» исчезли семнадцать кубов свежесваренной, чистойшей, коньячно-прозрачной ханки. Растворились в чьих-то крысячьих венах. Он перерыл все. Тщетно – заветного фанфурика как не бывало. Тогда Хруста еще немного перло, поэтому катастрофа не воспринималась так остро. Ограбленный попытался было по-хорошему расспросить храпящих товарищей, едва не выхватил в грызло, с горя догнался оставшимися в баяне восемью децалами и завалился спать. А утром чуть не закричал от ужаса. Подламывать начало еще во сне. Хруст, удерживая руками готовое выскочить из груди сердце, рванул к куму. Там давно сварили, врезались и варили вторяки. И не были ему рады. Христом-Богом Хруст вымолил два с половиной куба только что поднятой мутной жижи – раскумариться. Минут десять искал

вену, но все же попал. Трухануло сразу. Последнее, что осталось в памяти, – как перепуганный кум нес его на станцию.

Выдернутый из недр порносайтов лепила изматюгал медсестру, а заодно и близкого к коме Хруста. Но капельницу поставил. Через полчаса слегка попустило. Горемыка пошатываясь вернулся к своим. А потом пришел этот козлячий поезд. И они потыкали на досмотр.

Он плелся по вязкой от дождя насыпи, с ненавистью вслушиваясь в легкомысленный треп идущего позади, явно упоротого до тапковылетания Кучи. И думал, что если прямо сейчас не передвинется, то, скорее всего, крикнет. Арестованный его интересовал мало. У этого амбала явно не было того, что ему надо. А у Кучи было.

С каждым шагом Хрусту становилось все более понятным, кто его обнес. Конечно же, этот сучий потрох. Куча. То, что напарник только утром вернулся из Харькова, никакого значения не имело. В данных обстоятельствах. Сто пудов он, больше некому. Обдолбался, демон, его, Хруста, кровным раствором, а теперь по ушам ездит да глумится еще, ишак. Нет! Настоящий пацан такого терпеть не должен.

Хруст резко остановился, пропустил вперед дядьку, а затем с разворота засадил тайком вытащенный из-за голенища штык-нож в пузо едва успевшему удивиться Куче.

Снизу вверх. Как учил когда-то их, малолеток, только что освободившийся с тюрьмы Жека Козырь. Там, дома, на берегу теплого Азовского моря.

Жека его уважал. Его вообще старшие уважали. У него матушка тогда в винно-водочном работала... Покурить, если шо, оставляли...

Впрягались когда-никогда, если шо....

Вспоминая, Хруст лихорадочно пробивал карманы осевшего на щебенку, все еще недоверчиво улыбающегося сослуживца. То, что нужно, обнаружилось слева, в скуло*. Полная пятикубовая машина шырки. Да вдобавок целая россыпь калепсола. От это нарыл, так нарыл!

Он тут же уселся спиной к ржавому колесу стоящей в тупике, практически вросшей в рельсы цистерны и приступил к изучению дорог**. Вывод был однозначен – жалиться следовало в обратку. В ту, сокровенную, что берег на черный день. Фортуна, вне всякого сомнения, снова благоволила – обратка не подвела, нашлась почти сразу. Сделал контроль. Тут к месту вспомнился анекдот о наркоманской свадьбе: «Все в вену попали? Тада горько!!!» Хруст гулко сглотул и нажал на поршень. Потом в приятном изнеможении откинул голову назад – все, вмазался!

Приход оказался хорошим. Даже калики были. Не такие, как от его ханки, но тоже нещачковские. Он увидел, как тот здоровый мужик заходит за цистерну, и потянулся было к лежащему рядом автомату. Потом вяло махнул рукой: нормальный чувак, чего мы до него докопались? Пусть валит себе. И, развернувшись к Куче, стал с интересом наблюдать, как несчастный пытается запихнуть обратно выползающие сквозь пальцы внутренности. Мысли текли отстраненно и добродушно: «О, даёт утырок! Старается, аж язык высунул. Ну что, черт, не ржётся тебе теперь? А

* Скулом – внутренний карман (старожиганское).

** Дороги – вены (нарк.).

вообще, может, это и не он скрысил. Ай, братан, братан. Может, позвать кого. Больно, видать, бродяге... Да и хер с ним».

В предыдущий, то есть во второй раз, Киму повезло, когда его сняли с поезда. Это может показаться странным. Но только на первый взгляд.

Дело в том, что дома, в Киеве, Кима ждали. Конечно же, не Порошенко, как было анонсировано на том пограничном заборе. Другие люди, впрочем не менее отвратительные.

На Кима, видите ли, донесли попутчики. Все без исключения, включая проводника.

Справедливости ради стоит сказать, что только женщина с сумками вломила его из идейных соображений. По велению сердца, так сказать. Точно так же, как ее бабка с дедом закладывали скрытых врагов народа, а родители – очкасто-носатых диссидентов. Гены – великая сила. Хотя, может быть, дело не в этом. Женщина ведь проживает в Днепропетровске. А там сейчас у многих весьма своеобразные представления о добре и зле. Сформированные в результате ряда специфических и более чем креативных мероприятий местного руководства. На идеологическом поприще. Да и не только. Вообще...

Кроме того, не стоит забывать о выдающейся роли сбрендивших на почве национальной идеи украинских массмедиа... высочайше дозволенных, разумеется. Тем более что других там попросту нет. И, к слову сказать, никогда не было. Сынкина мать уже много месяцев даже спала под новости «ТСН». Оглушенная телевидением, словно рыба динамитом, она любила руководство страны немногим меньше,

чем своего непутевого отпрыска. (Кстати, сбежавшего в Ростов от мобилизации.) И в разговорах с товарками по продуктовому шопингу называла Порошенка не иначе как «наш Пэтро». О, удивительные вещи могут творить современные властители дум! Вернее, соответствующих частот. В общем «не судите, да не судимы будете».

К проводнику вообще никаких претензий – он просто делал свою работу. Доносительство теперь входит в его должностные обязанности. Это черным по белому записано в служебной инструкции. Так что, ничего личного.

С мамой и дочкой сложнее. Начать с того, что никакие они не мама и дочка. И даже не родственницы. Помните ту странноватую говорливость Кима в поезде? Так действует клофелин на определенном этапе. Да, да – заурядные майданные хипесницы. (Майданные – не в смысле революционные, а в смысле вокзальные)*. Непонятно, почему отставной кадровый офицер милиции не опознал в общем-то вполне шаблонный стиль своих симпатичных попутчиц. Возможно, ему, как тому профессору Плейшнеру, вскружил голову воздух свободы. А может, сработал феномен психологии льва, который просто не способен представить себя в качестве жертвы. Вплоть до того самого момента, когда в его сердце впивается копьё или пуля охотника. Но, скорее всего, дело в возрасте. Ким элементарно забыл, как оно бывает. И выпил наливки. Но! (Вот оно – то самое, первое везение.) Когда подруги заряжали адскую смесь, то ошиблись с концентрацией – сделали ее слишком слабой. Мاستырила старшая и, на-

* Майдан, бан – вокзал (воровское).

ходясь под впечатлением того, что предыдущий клиент едва не заломил хвоста, существенно занизила клофелиновую компоненту. Перестраховалась наоборот. Не хотела брать греха на душу.

А в следующий раз готовила младшая. У этой души вообще не было. Ее вытрясли еще в детдомовские времена, на одном из особенно пьяных ментовских субботников.

Из-за досадной неспрухи с Кимом девчонка едва владела собой от злости. В результате следующий «пассажир» таки загнулся.

Напарниц приняли непосредственно во время планового расчета с представителями доблестной транспортной милиции. Заодно зацепили какого-то ничейного лейтёху (борьба с коррупцией, типа).

Женщин развели по разным кабинетам и предложили писать. Пообещав, что та, кто сдаст больше делюги, пойдет соучастницей. Аутсайдерша – организатором. Вот дуры и расстарались. Накатали обо всем, что знали. В том числе и про Кимов «бытовой сепаратизм».

Кстати, их потом обманули – обеих приземлили по полной.

Вот так вот.

Ким, конечно же, ничего этого не знал, но все равно ходко шел в противоположную от Киева сторону. В ту, где, по его разумению, находилась территория ДНР. Принцип невмешательства был посрамлен – он решил вмешаться. Особенно, когда представил в том купе Ию с Лидочкой. В деталях.

Бывший опер скептически отнесся к идее уподобиться на время какому-нибудь Брюсу Уиллису. Поэтому, несмотря на соблазн, не взял с собой оружие, которое вполне можно было отнять у обсаженного до обморока Хруста. И уже успел

дважды похвалить себя за предусмотрительность. Патрули ВСУ с сочувствием выслушивали историю о недельном загуле, пропитом обручальном кольце и теперешнем смиренном возвращении домой, в одну из бесчисленных местных Калиновок. Ну, или там Жуковок, Октябрьских и даже (эх, жаль, не дожил старик Фрейд) Либидовок. Последняя, впрочем, на поверку оказалась самой заурядной Лебедевкой – видимо, пришлые патриоты, когда малевали соответствующий указатель, не вполне удачно перевели название на дэржавну мову (за элементарным незнанием таковой).

...Его периодически обыскивали, и, не найдя ничего предосудительного, а главное, не найдя вообще ничего, отпускали с миром. И он продолжал идти. Заросший седой щетиной, в запачканном спортивном костюме от Lagerfeld и домашних тапочках из лосиной кожи. Действительно купленных в «Интертопе» за триста долларов.

Через день усталый путник вышел на блокпост, над которым полоскался по ветру красно-синий флаг. Расцветка и оформление флага вызывали какие-то смутно-киношные ассоциации. Он напрягся и вспомнил: ну, конечно! Доблестный генерал Ли, его очаровательная однофамилица и прочие, унесенные ветром. Тоже, если разобраться, «сепаратисты»... Ким усмехнулся и, выставив перед собой ладони, шагнул к перекрывающим шоссе бетонным плитам.

Потом была двухнедельная проверка, несколько осложненная тем, что все документы остались гнить вместе с зарытой, виноват, зарытым у обочины Кучей. Тот, кстати, до сих пор числится дезертиром. Так

удобнее. Чтобы избежать выплат семье и прочей тяготины.

Так вот. После завершения необходимых формальностей Ким, как было принято говорить во времена Гарибальди, примкнул к повстанцам. Хотел в снайперы, но ему предложили другую работу. С учетом результатов проверки. И не ошиблись.

Сейчас Ким воюет. Командование его ценит, более чем. Настолько, что пообещало краткосрочный отпуск. Ким хлопочет, чтобы осенью, и собирается провести его известно где.

Денег хватит – их пересылает Ия. Квартиранты платят ежемесячно, без задержек – в Прикарпатье традиционно чтут дисциплину в расчетах. Не говоря уже о таможене. Там без этого никак.

А Лидочка наконец-то выбрала себе отчима. Его зовут Гия. Он не мастер спорта по классической борьбе, как папа, но тоже очень красивый. И смешной. И у него свой дом в Пуще-Водице, в сто раз больше ихнего. И еще огромная страшная машина, а внутри веселые белозубые охранники в черных очках. Гия – замеситель министра. Его все боятся.

А еще она знает секрет. Скоро у Гии будет столько, сколько надо, денег, и они втроем уедут то ли в заграницу, то ли в просто ницу. Лидочка плохо поняла. Она притворялась, будто бы спит, а сама тихонько подслушивала, когда мама с Гией шептались в кровати. А потом целовались и хихикали, как маленькие. Хотя, лучше бы, конечно, в заграницу, потому что в ней Бьёнси и Диснейленд.

Про себя Лидочка решила, что согласится жить хоть бы и в нице. Ладно уж. Но только с условием.

Пусть ее на будущий год в октябре отдадут папе. Она знает – если Гия пообещает, так и будет.

Просто летом ей исполнится пять. И тогда папа, они давно еще сговорились, возьмет Лиду с собой. В одно волшебное место. И они будут сидеть в красивой беседке, и везде вокруг будут розы. И еще всякие другие цветы, как в саду у старушки-волшебницы из сказки «Снежная королева». И время так же, как там, замедлится, а может, и вовсе остановится. Хотя бы ненадолго.

А потом они пойдут, и папа научит ее метко-метко стрелять. В тире. А вы что подумали? Ну, конечно же, в тире.

БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Помню, Витькина няня была в панике. «Вика, внушите ему: не смей говорить пока-пока, когда прощаешься. Надо «до побачэння». В крайнем случае, па-пай. Идет война. Поймите меня правильно. Если так будет продолжаться, я вынуждена буду донести. Иначе донесет воспитательница. Она, кстати, так смотрела...»

Ненавижу. Гады. Из-за этого пришлось отправить Витьку к маме, в Ужгород. Как ему объяснишь, чего нельзя говорить? А тем более заставишь... Но, с другой стороны, и слава Богу – там сейчас венгры и относительно спокойно. А у нас уже месяц слышна канонада. Три дня назад снаряды стали рваться в черте города. Говорят, в Жулянах* видели людей с нашивками «ДНР». Господи, неужели скоро кончится? Вся эта пакость – трипольская

* Жуляны – окраина Киева.

культура, великие укры, изуверства доморощенных хунвейбинов, нищета и всеобщий страх – всё уйдет, с всхлипом всосется в жадно чмокнувшую воронку, как будто застойная вода из пробитой вантузом раковины. Неужели, Господи?..

...Ничего себе, грохнуло! Что это было? Выстрел? Да нет, вряд ли – здесь у нас пока что спокойно. Относительно. Правда, соседку сверху вчера изнасиловали прямо у парадного. И квартиры, говорят, грабят одну за другой. Так что спокойствие то еще – сродни кладбищенскому. А когда-то считался элитный район – Оболонские Липки. Смешно. Свидомое телевидение молчит. За несанкционированную попытку выхода в Интернет – расстрел без суда, провайдеров – на передовую. Все чаще отключают электричество. Про горячую воду никто и не вспоминает. Большие магазины, там, где есть охрана с автоматами, еще работают. Но цены – мама дорогая. Я третьего дня выходила. Буханка хлеба и пакет долгоиграющего молока – двадцать долларов. На гривны даже не смотрят. Плюс баночка искусственного меда – Игорев золотой крестик. И вот, как бы я с Витькой? Звонят? Или показалось... Нет, звонят. И стучат еще. Ногами, видимо. Ой, мамочки... «Кто там?» – «Откройте, пожалуйста! Помогите...»

За дверью правосек. Парнишка лет семнадцати. Я его где-то видела. Ах, да. У метро ленточки раздает. Желто-голубые и черно-красные. На выбор. Красивый мальчик. Почти мужчина. Я однажды нарочно подошла, чтоб повязал. Когда его рука случайно коснулась волос, захватило дух. Кстати, потом с этой ленточкой возникла целая проблема. Выбросишь с мусором,

греха не оберешься. Говорят, у дворников на сей счет совершенно недвусмысленные инструкции. А даже если нет, наш гиперсвидомый Мыкола Пэтровыч вполне может и сам проявить инициативу. Недавно был. Пока искала деньги за свечи, прошаркал загаженными чеботами к книжным полкам: «А чога цэ у вас Кобзаря нэма, Виктория Ивановна... Сором». На следующий день на барахолке выменяла. Две банки сайры – грабеж, да и только.

Мальчик уже в прихожей. Тяжело дышит. Молчит. Впрочем, и так все понятно, по глазам. (С ума сойти, какие ресницы.) Спрятаться. Быстро его в душ. Так, дальше, спокойно.

Спортивки Игоря. И этот вот пуловер. Игорь тоже был высокий. Его взяли еще в самом начале. На улице – из-за футболки с триколором. Передала одежду через дверь. И еще полотенце. Ничего не забыла? Да, его вещи. Эта жуткая форма. Камуфляж, кажется... Птицей на лестничную клетку. В мусоропровод. Когда возвращалась, сквозь пролеты увидела, как кто-то, несколько человек, вбегают в парадное. Дура, зачем так громко хлопнула дверью, услышат же. Ну, кажется, всё, успела! Мальчик сидит в Игоровом кресле. Переоделся. Вздохнула. И сразу звонок – только теперь не панически-прерывистый, а солидный – длинный и властный. Еще раз оглядела комнату. Метнулась к полкам, сунула мальчику книгу. «Опыты» Монтеня, черт, в смысле, *merde*, нет времени менять на Стругацких. Надо открывать. Вошли трое. На красных шевронах синий перекрест. В дверях еще кто-то. Стараюсь улыбаться. Это мой сын – старший. А младший у

мамы, в Закарпатье. Рассказала про «пока-пока» – посочувствовали. Настроены вполне доброжелательно. Мальчик ведет себя хорошо, не нервничает. Авось пронесет. Предложила чаю. Сначала отказались, потом «а хотя, давайте». Пока грелся электрический чайник (газ отключили весной), один из военных, видимо главный, осматривает квартиру. Затем с иронией говорит: «Гля, Котя, в каждой комнате кондиционер. Нам так не жить. Хотя, опасно, наверное – говорят, ПТУРСы притягивает». Огромный Котя щербато щерится: «От Палыч даёт». Они смеются. Я тоже виновато улыбаюсь и развожу руками. Чувствую, что нравлюсь. Видимо, я сейчас красивая. «Покажите, пожалуйста, фотографии, – внезапно говорит главный. – Семейные». И сразу все понимает по моему лицу: «А ну, Котя давай сюда того дворника». Великан поспешно выходит. Какое-то время все молчат. Потом где-то в районе кухни раздаётся искаженное помехами кваканье рации. Главный поворачивает голову: «Ну, что там еще?» – «Авакова поймали» – «Дело!» Он уже снова смотрит на меня: «Так как насчет фотографий? Давайте, давайте, несите – посмотрим... за чаем». Внезапно мальчишка дергается к окну. Его без особых усилий возвращают на место. «Стоять, Казбек. Куда ты – шестой этаж. Забыл, чи шо ли? Живешь же здесь». И улыбчиво смотрят в мою сторону. Из прихожей выдвигается доставленный Котей Мыкола Пэтровыч. И, пряча глаза, бормочет: «Шо ж вы обмануэтэ, Виктория Ивановна? Якый

вин вам сын... Цэ Толик Турчын з сусидньої вулиці. В Трызуби состоить».

От веселья главного нет и следа. Он подходит к мальчику и с силой рвет с него Игорев свитер. Сквозь прореху в майке видна татуировка: падающий сокол и стилизованные рунические буквы: «Україна понад усе». И симметрично под соколом: «Ukraine uber alles». «Оба-на», – главный с деланным удивлением оборачивается к товарищам. Затем приседает перед креслом на корточки и шутовски тыкается носом в намертво вцепившуюся в подлокотник скрюченную ладонь. И какое-то время, зажмурившись, обоняет. С видимым наслаждением – как будто тестирует новинку от Chanel. «Ты, сучонок, стрелял?» – главный снова улыбается. Но теперь это уже совсем другая улыбка. «Я только один раз», – мальчик беззвучно плачет. Сейчас он ничуть не красив и похож на небритого Пьеро – белый, как мел, с беспомощно вздернутыми бровями. И от него остро пахнет. Главный какое-то время деликатно ждет, потом вздыхает: «Ну, ну, хорош, давай, братэлло, пойдём потихоньку». Уже в дверях оборачивается и говорит: «А вы, Виктория Ивановна? Вы тоже с нами». Когда я собираюсь снять с вешалки плащ, меня останавливают: «Не надо. Тепло на улице. Да это и недолго».

Их расстреляли тут же, во дворе. И быстро ушли. И это еще повезло. С учетом того, что Котину сестренку, например, там, под Славянском, прежде чем заколоть и присыпать известью айдаровцы насильовали три дня.